

СЕРГЕЙ ПОПОВ

ВИСЕЛИЦА ДЛЯ ЖИРАФА

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Сергей Попов

**Виселица для жирафа.
Иронический детектив**

«Издательские решения»

Попов С. Н.

Виселица для жирафа. Иронический детектив / С. Н. Попов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833777-2

Молодой сотрудник спецслужб пресекает попытку контрабанды бриллиантов,
осуществляемой посредством гастролей театра. Иронический детектив.

ISBN 978-5-44-833777-2

© Попов С. Н.
© Издательские решения

Виселица для жирафа

Иронический детектив

Сергей Николаевич Попов

© Сергей Николаевич Попов, 2016

ISBN 978-5-4483-3777-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ничего придурочного в моем детстве не было, если не считать любительское кино. Детство как детство. Поэтому, когда капитан спецслужб Баталин заявил мне намерение, что я, лейтенант тех же спецслужб, Антон Ведрин – придурок, и не просто придурок, а придурок с детства, я внутренне категорически не согласился с ним. Да и в ФСБешники я пошел не по своей воле – меня пинками загнал туда отец, видя, что из такого балбеса, как я, всё равно ничего путного не выйдет. А ведь мне будет надо семью кормить, когда во мне всерьез разыграется желание размножиться, а не от случая к случаю, как это имеет место сейчас. И вот я – боец невидимого фронта, и при этом, по мнению большинства, я – балбес. Нет, я не полный балбес от природы, просто я ничего не понимаю в той профессии, которой меня заставила заниматься жизнь. Будь у меня другая профессия, например, режиссер кино или театра, я уверен, что те же окружающие называли бы меня не балбесом, а юным дарованием, человеком, подающим большие надежды, может быть, даже гением. Но, повторяю, жизнь не оставила мне другого выбора, как стать сотрудником спецслужб. Потому что те места в жизни, на которые я претендовал, – режиссер театра или кино, заняли другие детишки, тоже, кстати, балбесы, дети тех, кто сам был или режиссером или видным деятелем искусств. Мне отец так и сказал: «Зря ты бегаешь со своей кинокамерой, зря бегаешь в свой драмкружок, Бондарчук нашелся! Олег Ефремов! Места тебе ни на Мосфильме, ни на Ленфильме, ни во МХАТе всё равно нет – и не будет. Нынешним народным артистам своих детей, дай Бог туда засунуть. Деятели искусства, они знаешь, как плодятся? У них и брачные дети, и внебрачные – в пору каждый год для их отпрысков новую киностудию открывать или новый театр. В нашей конторе на всех, слава Богу, информация имеется». Я понял: из-за плотности всяческих народных артистов мне одна дорога – в ФСБ. Отец у меня сотрудник спецслужб, подполковник, значит, мне туда же. «Папа! – воскликнул я, и комок слёз сдавил мне горло, папочка, но ведь я не поймаю ни одного бандита, не разоблачу ни одного шпиона! Бандиты будут убивать людей, шпионы предавать Родину, а я не смогу никого защитить. Я не создан для этого». – «А тебя это трахает, что ты не сможешь никого защитить? – глядя мне серьезно в глаза, спросил отец и добавил, – Подумай, сынок, хорошо подумай, прежде чем отвечать». Я хорошо подумал и ответил: «Нет, не трахает». – «Молодец! – ответил отец и одобрительно похлопал меня по плечу. – Из тебя получится вполне сносный боец невидимого фронта. Я в тебе не ошибся. – И добавил. – Запомни: сумеешь защитить себя – защитишь и Отечество. У вас в театре, кажется, есть такой термин „предлагаемые обстоятельства“. Так вот работа в разведке, сынок, предложит тебе такие обстоятельства, что если захочешь свою шкуру спасти, то и врагов переловишь и Родину защитишь».

Сегодня, когда по отделу пронесся слух, что на самой окраине города в театре замочили какую-то бабу режиссера, я, скажу честно, испытал даже внутреннее удовлетворение. Злорадно подумал: «Тоже, небось, внебрачная дочь какого-нибудь народного артиста». – «Историческая справедливость, она восторжествует и без нашего участия, – вспомнил я опять же напутствие отца, – главное, ей, справедливости, не препятствовать в этом, не мешать». И вот одной папиной дочкой, которая, возможно, заняла именно мое место, стало меньше. Я знаю, что нехорошо так думать, ну уж что в голову пришло, то пришло.

Режиссера замочили в старом полуразвалившемся доме с давно выселенными жильцами. Стекол в окнах не было одни зияющие проемы. Это было место, где разворачивалось театральное действие. Я когда-то читал, что английский режиссер Питер Брук тоже ставил спектакль на развалинах, кажется, оперу «Кармен». Доморошенная «Брукиня» взялась ставить в «естественных декорациях» пушкинского «Каменного гостя». Нет, меня заставило возмутиться отнюдь не это обстоятельство, а то, что режиссерша сама взялась играть в спектакле роль Лауры – «осьмнадцатилетней куртизанки», хотя самой женщине было почти пятьдесят, называется, дорвалась. Седая, морщинистая (я видел фотографию трупа), и на тебе: куртизанка!

Обстоятельства её смерти были таковы. Дон Карлос спросил: «...Но, когда твои глаза впадут и веки, сморщась, почернеют, и седина в косе твоей мелькнет, и станут называть тебя старухой, тогда, что скажешь ты?» Пятидесятилетняя куртизанка, на мгновение якобы задумавшись, произнесла: «Зачем об этом думать?» А затем, топнув ногой, велела поклоннику: «Приди, – открой балкон». Тот, кто изображал Дона Карлоса, сделал вид, что открыл. Старушечка подалась всем телом в проем окна и с придыханием заголосила пушкинскую строфу: «Как небо тихо; недвижим тёплый воздух, ночь лимоном и лавром пахнет...». Именно в этот момент откуда-то снаружи сверху свесилась вверх ногами фигура мужика. Его голова зависла в проеме, затем он выхватил нож, резанул великовозрастную куртизанку по горлу и взмыл вверх. Лаура рухнула на пол, а трупка, в полном составе наблюдавшая за тем, как репетирует их патронесса, ахнула, а затем, как по команде, каждый схватил свой мобильник и стал вызывать скорую.

Это то, что рассказывали о происшествии в отделе. Дело было, конечно, для ментов, но его передали нам, и вот по какой причине. Оказалось, что убитая была осведомителем ФСБ. Сам я на осмотр трупа не ездил не люблю трупаков. И вот почему: в меня после встречи с ними пиво не лезет. Вот не лезет, и всё! Организм особенный. А это значит, что вечер после свидания с трупом для меня проходит зря. Нет, меня, конечно, вызывали на осмотр тела, но я отвертелся. Причем отвертелся так, что можно как анекдот рассказывать.

Позвонил, конечно, сам капитан Баталин. Позвонил, главное, когда я уже пришел домой и первую бутылочку пивка уговорил. Пивко пил чешское. Я разное там наше пиво или из Германии не люблю – не пиво это вообще: ни вкуса, ни запаха. А вот у чешского есть вкус, а главное есть запах. Меня ещё отец учил: «Водка должна быть русской, а пиво – чешским». Так вот: кинул первую бутылочку как за себя – и на душе потеплело. У меня всегда теплеет на душе, когда удастся отгородить себя от внешнего мира: от этих непрерывных врагов, внутренних и внешних, от начальников, рапортов, трупаков. Правда, для этого одной бутылки маловато. Но я-то об этом знал и, конечно же, подготовился. Так вот звонит капитан Баталин: «Подъём, лейтенант! У нас трупак!» Я поднял глаза, а у меня ещё три бутылочки любимого чешского пивка на столе стоят и мне улыбаются, а под пивко креветочки уже закипают в кастрюльке, а по телеку – футбол. А у Баталина, видишь ли, трупак. Ну, я и рассуждаю так: «Это у тебя трупак, а у меня креветочки вот ты с ним, с трупаком, сам и валандайся». Но это я так мысленно рассуждаю, а вслух говорю: «Какая жалость, товарищ капитан: я так хотел трупака посмотреть, но, увы, я жестоко болен». – «Да ты же с работы здоровый уходил!» – орёт капитан. «А вот пока до дома доковылял, заболел, – неторопливо объясняю я, и уточняю, – враги умышленно заразили. «Какие ещё враги?» – недоумевает Баталин. «У сотрудника федеральной службы безопасности, что, по-вашему, мало врагов?» – спрашиваю я своего шефа. И Баталин, кажется, в душе согласился со мной – он как-то сник, забормотал: «Ну, конечно, конечно, на нас вся страна волком смотрит...», а потом неуверенно, скорее, для проформы спросил: «Так у тебя, Ведрин, что, и справка есть?» – «Будет, – отрезал я, – к завтрашнему утру непременно будет». – «Ну, смотри!» – буркнул шеф и бросил трубку.

Я разволновался... нет, не от звонка начальника, оттого, что креветки закипели, и пена побежала на плиту. Решив успокоить нервы, я раздавил ещё одну бутылочку чешского.

Не знаю, как вы, а лично я предпочитаю пить пиво только из горлышка из стакана не люблю – во-первых, не тот вкус, а во-вторых, какое-то время надо ждать, пока пена осядет, а у меня «трубы горят» – они у меня всегда горят. Короче, мне некогда. Я ещё один бутылёк из горлышка в себя втянул, успокоился, и на душе стало сосем тепло: как будто я оказался в детстве, как будто отец и мать живы, в обиду меня не дадут, и напоят и накормят. Эта любовь к близким людям, поток собственных мыслей, интересных мне, и только мне, и создает ту скорлупу, которая надежно отгораживает меня от внешнего мира. Кстати, надо не забыть поесть. Я отбросил креветки на дуршлак, затем выложил на блюдо, лимон пополам разрезал, чтобы соком кропить. Доставить себе удовольствие – это искусство, для этого муза должна тебя посетить, как поэта, например, Александра Пушкина. Я не стал портить величие момента, не стал думать, откуда я, например, достану врачебную справку о своей болезни. «Служенье муз не терпит суеты. Прекрасное должно быть величавым», – вспомнил я знаменитую строку. «Это и о моих креветочках, – подумал я. – А что у меня есть в жизни хорошего, кроме них? вдруг неожиданно спросил я сам себя и честно ответил: «Ничего нет». И вдруг очень больно мне стало от такого ответа. Но ещё больнее мне стало от осознания того, что и этой мизерной ничтожной радости меня только что хотел лишит мой непосредственный начальник капитан Баталин. «Нет, не отдам свою радость! – решил я, – костыми лягу, а не отдам! Не поеду смотреть трупика».

Я всегда беру именно четыре бутылки пива, потому что после опорожнения четвертой наступает мягкий такой уход сознания. Сознание, словно литерный поезд, плавно начинает уходить куда-то вперед, в сладкую неизвестность, и ты плавно движешься вместе с ним, окутанный теплотой и любовью. А все эти мерзкие морды провожающих остаются где-нибудь позади, даже если они не хотят этого, даже если они этому всячески сопротивляются. А впереди у тебя убаюкивающая дорога, дорога куда-то вглубь себя – лишь бы от всех подальше.

Но в этот раз мне не удалось надежно закрыться от реальности. Она настигла меня во сне. Мне приснился заброшенный дом, оконные проемы без рам и стекол, сорванный паркет на полу, а в пыли лежала та самая режиссерша и о чем-то меня просила, как хорошо знакомого друга. Я понимал, что она мертва, я всей душой хотел от нее отделаться, пользуясь тем, что, кроме нас двоих, в этом доме никого нет. Главное, нет моего начальства, поэтому я потом могу сказать всем, что никогда не встречал убитой режиссерши и не слышал ее просьб, поэтому не должен их исполнять и вообще заниматься этим трупом. Я кивал ей в ответ, а сам все думал, как поскорее улизнуть. Я уже почти повернулся к ней спиной. Но убиенная вдруг схватила меня за руку. Я взглянул на нее и увидел, что у нее в руках откуда-то взялся большой круглый пирог. Она протягивала его мне и умоляла съесть. Было омерзительно даже представить себе, что я возьму в рот ее угощение. Но она не отставала, и я решил откусить. Откусил и стал пережевывать. И в этот момент заброшенный дом наполнился людьми. Все эти люди видели, что я «засветился» рядом с покойной, что нас теперь что-то связывает. А главная неприятность состояла в том, что рядом со мной уже стоял мой начальник капитан Баталин и с обидой в голосе спрашивал: «Что ж ты мне вешал лапшу на уши, что заболел? А сам ведь оказался на месте происшествия даже быстрее меня». Покойная тоже вдруг замолвила за меня доброе словцо моему начальнику: «Хороший мальчик раньше всех ко мне прибыл».

Я проснулся. Первая мысль после сна: да, от осмотра трупика я отвертелся, а вот от участия в этом деле, пожалуй, вряд ли. Такая перспектива меня не обрадовала: куда спокойнее носить на службе бумажки с этажа на этаж, чем бегать как собака с высунутым языком, пытаться что-то расследовать. За окном было темно, и я решил продолжать спать.

Утром я проснулся с мыслью о том, откуда взять справку о мнимой болезни и о какой именно. Как-то было надо оправдать свое вчерашнее отсутствие на месте происшествия. Первая мысль, конечно, о Янге у неё мать врач, что-нибудь да придумает. На будильнике семь часов утра. В восемь может позвонить злополучный капитан Баталин. Придет на службу, уви-

дит, что меня нет, и давай звонить. А на службу я сегодня не пойду, пусть там преступники хоть всех наших агентов перемочат не пойду – ведь я тяжело болен. А значит, надо звонить Янге.

Янгу турнули с первого же вступительного экзамена при поступлении в медицинский институт, и она сейчас работает секретарем-референтом в какой-то организации, связанной с фармакологией. На работу ей к восьми, так что звонить уже можно. Набираю номер. Тревожный голос Янги: «Что-то случилось? Почему в такую рань?» – «Надо от работы закосить, – отвечаю я, – спроси быстренько мать, какая инфекция сейчас ходит по городу и какие симптомы заболевания». Слышно, как Янга о чём-то говорит с матерью, затем обе хохочут. Янга, едва сдерживая смех, говорит уже в трубку: «Сейчас в разгаре вирус гриппа, симптомом которого является метеоризм» «Что-что? – переспрашиваю я, – какой такой „метеоризм?“» – «Ну, это научное название обильного газовыделения, – хохочет Янга. – Словом, жалуешься на головную боль, слабость, высокую температуру, а главное, напиралась на то, что у тебя пучит живот. Понял?» – «Понял», – отвечаю я.

Температуру себе я делаю элементарно: купил как-то в аптеке миниатюрную грелку, в грелку я наливаю горячую воду и зажимаю подмышкой, в таком виде я занимаю очередь в процедурный кабинет. Прямо перед тем, как войти, я ослабляю нажим на грелку, она падает и удерживается рубашкой, заправленной в пояс брюк. Медсестра ставит мне градусник в разогретую подмышечную область, и дело в шляпе на термометре такая температура, что в пору скорую вызывать. Бюллетень в кармане. Но сейчас этого трюка мне мало: за последний месяц я уже дважды так появлялся в поликлинике, в третий раз могут что-нибудь заподозрить. Нужен самый настоящий грипп, вернее, его симптомы, а если быть совсем точным, нужен этот самый, как там его – метеоризм. Откуда его взять? Эврика! Надо спуститься в магазин, взять «бомбу» кока-колы, для усиления эффекта нагреть её на водяной бане, разом выпить литр или два и бегом в поликлинику. Я думаю, им там мало не покажется.

Сказано – сделано. Я спускаюсь вниз, покупаю «бомбу», грею её на водяной бане, то есть в кастрюле с кипятком, пью, давясь горячим газом, и немедленно несусь в поликлинику, которая, слава Богу, находится от меня через два дома. Грелка с горячей водой обжигает мне подмышку. В процедурном кабинете у меня фиксируют температуру 38,9 градусов, а терапевт, едва слышав о том, что у меня вдобавок к температуре ещё наблюдается метеоризм, машет на меня руками, как на прокаженного, немедленно отправляет еще к какому-то врачу. Тот просит спустить брюки, пытается вставить мне в задний проход какой-то инструмент, кажется, калоскоп, как вдруг!.. В общем, любопытного врача как ветром сдуло. Он, можно сказать, впечатался в стену, держа в руках свой калоскоп. В панике врач обхватил руками голову: «Молодой человек, да у вас тот самый вирус, который сейчас свирепствует в городе. Я запрещаю вам выходить из дома. Это, во-первых. А во-вторых, срочно сообщите мне, с кем вы в последние дни были в тесном контакте?» И вот тут я выпалил: «С капитаном Баталиным!» И назвал его место работы. Врач вытянулся по струнке. «Передайте капитану Баталину, – сурово приказал он, – что он должен доставить свой кал в нашу поликлинику в течение 24 часов. В противном случае мы его из-под земли найдем, хотя он и офицер спецслужб. С вирусологами не шутят!»

Я не шагал, я летел домой. Я сидел над телефоном, наверное, как курица сидит на яйцах, ждал звонка своего шефа, и, наконец, он раздался:

– Болееешь?

– Так точно, товарищ капитан.

– Медицинская справка есть?

– Так точно, товарищ капитан.

– Кем выдана?

– Районной поликлиникой.

– Не действительна. Пусть наша ведомственная санчасть зафиксирует твою нетрудоспособность. Так что руки в ноги и марш в нашу медсанчасть.

– Никак нет, товарищ капитан. Мне запрещено выходить из дома. Это, во-первых. А во-вторых, вам, товарищ капитан, следует прекратить поиск врагов и в течение 24 часов доставить свой кал в мою районную поликлинику.

– Почему нужен именно мой кал? – удивленно спросил Баталин.

– А вы последний были со мной в контакте. И для убедительности я добавил:

– С вирусологами не шутят. Они вас и под землей найдут.

На другом конце провода раздалась матерная брань, а потом короткие гудки.

До разговора со своим начальником я был уверен, что испытаю радость оттого, что так подшутил над ним. Но когда я повесил трубку, то радости не было. Напротив, в душе поселилась тревога, какое-то саднящее беспокойство, скрыться от которого было нельзя. Я знал, что это состояние, появившееся в душе, предвестник большой беды. Впервые оно у меня появилось, когда заболела мать – она так и не выздоровела. Второй раз, когда ко мне и двум моим друзьям подошли в парке трое таких же подростков и вполне миролюбиво попросили показать им, где здесь стадион, а лучше проводить. Мы шли, мирно болтали о всякой всячине, а у меня точно так же противно саднило в душе. И, как оказалось, не зря. На стадионе нас поджидала целая шобла, человек двадцать. У нас отняли все: деньги, вещи, то есть раздели до трусов, да еще надавали по шее так, что пришлось брать бюллетень. В третий раз это чувство посетило меня где-то дня за два до внезапной смерти отца. И вот теперь оно возникло в моей душе снова. Я знал, нет, я был уверен, что ничего хорошего за этим не последует.

Мысль невольно переключилась на виновницу моих грядущих бед – убитую режиссершу. Я был уверен, что началом неприятностей послужила именно она, точнее, ее жуткая смерть. Ну, в самом деле, зачем было убивать женщину так зверски перерезать горло ножом? Зачем это делать с подчеркнутым театральным эффектом? Убийца свесился вниз головой в проеме окна и резанул ее в момент произнесения лирического монолога. А главное, для чего все это кошмарное действие было умышленно развернуто на глазах у труппы? Допустим, по какой-то причине захотели ликвидировать главрежа, так почему не сделать это при помощи снайпера или наемных убийц где-нибудь в тихой улочке или подъезде? Зачем вся эта буффонада? Напрашивается вывод: убийца или сумасшедший или театрализованная публичная смерть главрежа это какое-то послание. Но тогда кому оно адресовано? Ответить на последний вопрос – продвигнуться в расследовании. И вдруг я почувствовал, что невольно пережевываю события, связанные с режиссершей, как во сне пережевывал протянутый ею пирог.

Вечером Янга хохотала до слёз. Она обычно забегала ко мне вечером после работы перед тем, как явиться домой. Говорила домочадцам, что её задержала начальница на час полтора, а сама это время проводила у меня. Такая конспирация с её стороны была необходима, поскольку из дома её не выпускали, заставляли заниматься готовиться к поступлению в институт на следующий год. И что я нашел в этой семнадцатилетней девушке, ещё подростке? Сам не знаю. И тем не менее...

И тем не менее я сварил ей вермишель. Я сварил ей целую кастрюлю вермишели. А почему я это сделал? Да потому что варить я умею только вермишель, ну, и ещё креветки. А жарить только яичницу. Ну, зато уж как я варю вермишель! Друзья мои, вы пальчики оближете, если попробуете. Уверю вас: такой вермишелью можно соблазнить любую женщину – не устоит. Вот почему я, собственно, иду варить вермишель сразу после того, как Янга переступает порог моего дома.

Но в этот вечер я понял, что напрасно стал разбрасываться своими съестными припасами: когда девушка с какой-то целью открыла свою сумочку первое, что бросилось мне в глаза, объемная пачка гигиенических прокладок. Критические дни – любви сегодня не будет. Так, может, и вермишелью не кормить? Да нет, пусть ест. Я добрый. Янга умяла вермишель, то и дело хватаясь за талию, и я подробно рассказал ей, как я сегодня отделался от присутствия на службе. Рассказал не один, а целых два раза – все равно заняться с ней больше нечем. Оба

рассказа вызвали у слушательницы надрывный смех. У меня стало тепло на душе, саднящее предчувствие растворилось. Потом Янга ушла, и мерзкое ощущение вернулось вновь. Я сбежал в магазин, взял четыре бутылки пивка в надежде, что теплота и забвение окутают меня до утра следующего дня. Ничего подобного: мысль снова вернулась на место происшествия туда, куда я вчера отказался ехать.

Наверное, это полная чепуха насчет того, что зверское убийство режиссерши – это послание кому-то из труппы или вообще всему театральному коллективу. Во-первых, я такого не встречал в истории криминалистики, чтобы кто-то из преступного мира шантажировал целый театр. Зачем это кому-то надо делать? Артистов на бабки выставить? – Нелогично. Все эти предприятия от культуры бедны как церковные крысы. Уж кто-кто, а рекетиры об этом знают. Куда как выгоднее обложить данью магазин или автосервис. А если это угроза со стороны властей? Тоже не катит. Времена идеологических репрессий миновали. Да и за что здесь репрессировать-то? Ладно бы современную пьесу ставили, обличали бы кого-то из сильных мира сего, тогда понятно. Но Пушкин, «Каменный гость» – классика. Нет, репрессировать целый коллектив здесь не за что. Значит, эта смерть предупреждение не коллективу. А если кому-то одному? Неразумно: уж больно все вычурно и рискованно. Безопаснее предупредить его же с глаза на глаз, приставив тот же тесак к горлу, или просто угрожать по телефону. Актер это не тот человек, который станет сильно артачиться. А главное, кого грохнули? Осведомителя спецслужб. Нет, если заказчик убийства представитель государства, этого делать бы не стали – своих агентов мы бережем... правда, если они не выкидывают что-то из ряда вон. Но эта вроде бы не выкидывала, репетировала сцену ужина у Лауры так, как до нее эту сцену репетировали, наверное, все без исключения, кто брался за «Маленькие трагедии» Пушкина.

Остается одно: убийца маньяк, человек с нарушением психики. Такое часто бывает: у кого-то из слабоумных претензии к женщинам, и он их убивает, а у этого претензии к театру, и вот результат. Кстати, у меня тоже к театру есть претензии, я о них уже говорил, но я, слава Богу, никого из служителей Мельпомены еще не грохнул. Это о чем говорит? О том, что я вовсе не слабоумок. На этой светлой мысли я уснул.

Утром следующего дня я понес в районную поликлинику сдавать на исследование свой кал, забыл сказать, что от меня его тоже потребовали. В поликлинике я лицом к лицу столкнулся с капитаном Баталиным. Он тоже старательно прятал в свой берет какую-то коробочку. Со мной Баталин даже не поздоровался.

Результаты исследований показали, что в моих анализах опаснейшего вируса нет. Конечно, не было его и в анализах капитана Баталина. Врач поздравил меня, поинтересовался самочувствием, я многозначительно пожал плечами: мол, ни больной, ни здоровый. Медработник немедленно поинтересовался: «А может, вам продлить бюллетень?» Я задумался, вспомнил про лежащие в дамской сумочке Янги гигиенические прокладки и решительно заявил: «Нет, на работу пойду. Мне дома делать нечего». – «С такими сотрудниками спецслужб не страшно жить», – одобрительно похлопал меня по плечу врач, два дня назад высокая температура была, метеоризм, а вы, юноша, уже рветесь в бой. Вот я своему сыну про вас расскажу, а то шалопай растет, ни цели в жизни, ни призвания. «Обязательно расскажите! – подхватил я, а сам подумал – Никакой он, наверняка, не шалопай, ваш сын, и цель у него есть и призвание. Да вот только его место в жизни, как и мое, наверняка уже заняли. Вот он и болтается, как в проруби болтается то, что я и капитан Баталин только что приносили вам на анализ».

«О, „Завещанный“ пришел!» – такими словами встретили меня в отделе. «Завещанный» – это моя кличка.

Дело в том, что меня как бы завещали этому секретному учреждению. Отец мой, как я уже говорил, был подполковник спецслужб. Он траванулся конфискованной водкой. Единственный раз нашей конторе удалось у ментов отбить конфискат. Операцией руководил мой отец. Так вот, родитель на радостях стал употреблять конфискат прямо в этой комнате за своим

рабочим столом в присутствии всего личного состава и вдруг посинел и забился в конвульсиях. Его последние слова, обращенные к боевым товарищам, были такими: «Позаботьтесь о моем балбесе. Завещаю его вам». Вот его сослуживцы обо мне и заботятся, исполняя устное завещание покойного. Поэтому-то мне сходит с рук, если не всё, то многое. Ну, разве что иногда обматерят. Вот и сейчас, увидев меня, капитан Баталин в сердцах выпалил: «Это не просто придунок, это придунок с детства!» Повторяю, что в душе я категорически не согласился с ним.

И вдруг мой начальник совершенно изменил интонацию:

«Послушай, а это нам очень на руку, что ты не выезжал на осмотр трупа»! Я невольно спросил: «Почему?» «Артисты не видели твоей морды, – объяснил капитан, – значит, мы сможем внедрить тебя в их среду, чтобы ты и нашел, кто из труппы грохнул режиссершу». – «А что, ее грохнул кто-то из своих?» – заинтересовался я, потому что мне эта версия не приходила в голову. «Да, мне кажется, что режиссершу грохнул именно кто-то из своих, – подхватил капитан и стал развивать мысль. – Она ведь старуха, считай, была, а играла юную шлюху. Не иначе какому-нибудь молодому дарованию перешла дорогу, а он её и того ножиком чик. У них, у богемных людей, это запросто». Я сделал вид, что удивлен. Капитан стал объяснять: «Психика уж очень расшатана от обилия перспектив: могут выдвинуть на театральную премию, могут на телевизионную премию, могут на кинематографическую премию, а могут и на „Оскара“, например. А вокруг конкуренция, а вдруг выдвинут не меня, а его? Вот у людей крыша и едет. А отсюда возникает желание мочить, мочить и мочить, и не кого-нибудь, а своих товарищей по цеху. У богемы, Антон, голова устроена совсем не так, как у нас, служака. Вот нас со старшим лейтенантом Можариковым, никто ни на какой „Оскар“ не выдвинет. Правильно?» Я утвердительно кивнул головой. «Вот поэтому мы ещё и не грохнули друг друга. Я верно мыслю, старлей? – Обратился Баталин к вошедшему в отдел Можарикову. – Какой смысл мне тебя грохать, а тебе меня?» Можариков задумался и серьезно ответил: «Никакого, – но затем вдруг уточнил, – пока». – «А потом?» – удивленно спросил Баталин. «А потом видно будет», – перевел все в шутку старлей.

«А в качестве кого вы хотите меня внедрить в труппу: осветителем или работником сцены?» – поинтересовался я, не испытывая от таких перспектив никакого энтузиазма. «Обижаешь! – воскликнул Баталин. – Мы своих сотрудников так низко не ценим. Пойдешь к ним не меньше чем режиссер-постановщик. Твой отец, царствие ему небесное, все уши нам прожужжал, что ты там, в детстве какое-то кино снимал, вот теперь в оперативной работе эти навыки и пригодятся. Короче, продолжишь труд, начатый покойной, – Пушкина будешь ставить».

«Ни хрена себе! – мысленно воскликнул я. – Ради этого стоило пить два литра горячей кока-колы и носить е. Побывать режиссером в настоящей труппе, пусть даже несколько дней! Да еще ставить Пушкина! Я об этом даже не мечтал».

Но это была первая реакция, а ночью перед сном была вторая.

Что-то нехорошее возникло у меня в душе. Согласно моим умозаключениям режиссершу все-таки убил кто-то с психопатическими наклонностями. Собратья по актерскому цеху на такой жуткий акт не способны. Резануть ножом по горлу, как барана, да еще публично. Нет, это не их рук дело. Тихонько травануть собрата по цеху – вот вершина актерского злодейства. Значит, убийцу по замыслу своего начальника я буду искать не там. А если я буду искать его не там, то не найду. А если не найду, то он вернется. Вернется зачем? Чтобы отомстить театру. И в кого тогда будет нацелен его нож? Да в меня! Я же займу место руководителя труппы.

Вот тебе и капитан Баталин! Вот он и нашел способ посчитаться со мной за то, что я заставил его таскать кал в мою районную поликлинику. Так вот почему возникло в моей душе предчувствие неотвратимой беды после смешной выходки с ним.

За версию, что назначение меня руководителем театрального коллектива – подстава, свидетельствовало еще одно обстоятельство.

А какой из меня режиссер? Какой театральный или кинематографический вуз я закончил? Какой спектакль я поставил, какой фильм снял? – Нет, тут кое-какие достижения есть. Учась в седьмом классе, я снял на видеокамеру, позаимствованную из школьного кино-фото кружка, ни много, ни мало киноэпопею «Война и мир» по нетленному роману Льва Толстого. Я снял, конечно, не всю эпопею, а лишь отдельные сцены. И я вдруг вспомнил, чего собственно ради я это сделал.

В нашем классе училась удивительной красоты девочка. Её имя было Алия, фамилия, правда, какая-то несуразная Ткачиха. У неё были жгучие черные волосы, ярко-синие раскосые глаза и широкие монгольские скулы. Сама она была коренастая, крепкая и удивительно ладная, я бы даже сказал, аппетитная, как наливное яблоко. Все, кто только мог видеть это восхитительное создание, вздыхали по ней, писали записки, в которых, как правило, приглашали в кино. В кино Алия с удовольствием шла, а вот после кино посылала своих воздыхателей куда подальше, награждая их такими эпитетами, как «сосунки», «малолетки». Я решил не повторять ошибок своих предшественников – не приглашать Алию в кино. Я решил для Алии кино снять. Вернее, я решил снять в кино саму Алию. Таким образом, в соревновании сверстников за право приблизиться к этому очаровательному существу я сделал ход конем. Какая красавица откажется блистать на экране? Главное, подобрать для нее роль. Ну, а какая роль может быть желаннее для юной леди, нежели Наташа Ростова? Тем более что роман «Война и мир» в школе мы будем проходить только через два года. Это игра на опережение. «С какой сцены бессмертного романа следовало начать съёмки с Алией?» размышлял я. – Конечно, с невинной сцены в Отрадном. Кстати, она не такая уж и невинная. Во-первых, обе сестрички, когда щебечут в ночной тиши, должны быть одеты в прозрачные пеньюары. А во-вторых, почему бы ни допустить маленький режиссерский экспромт: дать девушкам подышать ночным деревенским воздухом всем телом, нагишом принять воздушные ванны. Иными словами, по ходу сцены пеньюары сестричкам следовало снять. Но почему речь идет о двух «сестричках»? Алия не потерпит на экране соперницу. Значит, в кадре она будет одна, а голос ее сестры, если он вообще потребуется, будет звучать за кадром. Ее одну, да еще в чем мать родила, будет наблюдать князь Андрей Болконский. Да, да, именно узрев Наташины прелести, он немедленно возжелает на ней жениться, жениться для того, чтобы обладать по первому своему желанию этим сказочным телом. Это логично, это понятно, по крайней мере, сегодняшнему зрителю. Князя Болконского я решил играть сам. В конце концов, режиссер на съёмочной площадке деспот.

Режиссерский план был готов. Под этот проект немедленно была создана киностудия, костяк которой составляли я – режиссер, Петр (он уже один раз держал в руках камеру) – оператор и Борис. Фамилия Бориса была Гофбауэр, он был еврей и у него, в отличие от нас с Петром, всегда водились карманные деньги. А без денег, какое кино? – Пленка, и та что-то да стоит. Поэтому Борис был назначен продюсером. Проект понравился всем троим. Против моей кандидатуры на роль князя Андрея не возражал никто. А вот с кандидатурой Алии на роль Наташи возникли проблемы. «Нельзя утверждать актрису на роль без предварительных кинопроб», – в один голос заявили оператор и продюсер. «Не знаю, фотогенична ли она, когда разденется?» – упрямо заявил Петр. «Пойдет ли на нее зритель?» – вторил ему Борис. Короче, оба хотели предварительно взглянуть на голую Алию. Но как это устроить? Предложить этой гордой девочке раздеться перед нами тремя? Об этом и речи быть не могло. И мы придумали, как узреть ее прелести.

В наш класс пришел новый ученик Шурка Смирнов. Его родители погибли в автомобильной катастрофе, и опеку над ним взяла взрослая сестра. Им дали крохотную квартиру в панельном доме. Так вот окна этой квартиры выходили точно на окна Алии, которая жила в фешенебельном кирпичном доме для разных привилегированных особ. Мы подбили Шурку Смирнова приволочь в свою квартиру телескоп. Его он выпросил у преподавателя астрономии якобы для того, чтобы по ночам наблюдать движение звезд. Сам же он, а вместе с ним

и мы трое, старательно наблюдали за движением занавески в комнате Алие. За те три ночи, на которые был выдан телескоп, в квартире юного астронома побывали, конечно, не только мы, а ровно половина класса, точнее, его мужская половина. Старшей сестре Шурка Смирнов объяснил, что в школе организован факультативный астрономический кружок, и именно из его окна виден тот участок неба, который сейчас изучают. Из-за плотно закрытой двери в комнате подростка то и дело раздавались восторженные охи, вздохи это «юным астрономам» удавалось что-то разглядеть в телескоп за занавеской на окне комнаты Алие. Сестра Шурки была приятно удивлена, что молодое поколение так бурно выражает свой восторг движением планет на небосклоне. Конечно, все приходившие в эту квартирку «члены астрономического кружка» были осведомлены, с какой целью изучается в телескоп их одноклассница. Всеобщим голосованием было решено, что в роли Наташи Ростовой (в пеньюаре и без) Алию можно снимать. Петру всем миром дали напутствие, что именно в Алие следует снять крупным планом. Начать следовало с восхитительных синих глаз, а уж затем не забыть про руки, ноги и прочие девичьи прелести. Короче, проект съемок был всенародно одобрен.

Пришло время представить его самой Алие. Я был уверен в её согласии, поэтому, отыскав её глазами на перемене, смело подошел. На мое предложение сняться в фильме «Война и мир» первая красавица нашего класса презрительно скривила ротик: «Фу, ведь это уже снимал Бондарчук». – «Да, Бондарчук», – машинально подтвердил я. «Бондарчук все снимал для колхозников. Вот если бы Тарковский... – глубоко вздохнула девушка и пояснила, – Тарковский снимал для богемы». И я увидел её затылок. А дальше последовала та минута, когда в мужском сердце на смену любви приходит чувство мести. Кому я мстил в этот момент? Алие? Льву Толстому? Бондарчуку? Колхозникам? Не знаю.

Нет, я не отказался от съемок эпопеи «Война и мир». Я решил снять ее назло Алие, снять так, чтобы отомстить! Во-первых, я утвердил на роль Наташи Ростовой не какую-нибудь смазливую девчонку, а одноклассника Шурку Смирнова, того самого, из чьих окон мы в телескоп изучали Алию. Его, долговязого очкарика, всего лишь месяц как перевели к нам в класс из какой-то сельской школы. Шурка не знал, как вписаться в нашу среду, поэтому при каждом удобном случае развлекал нас весьма незамысловатым образом. Оказавшись где-нибудь на аллее школьного сада, он немедленно снимал брюки, приспускал свои длинные сатиновые трусы ниже колен, так, что они напоминали длинную юбку, майка же в этот момент прикрывала его ягодички, и еще он повязывал себе на голову платок. Со спины получалась такая старомодная, высокая сухая женщина. Она-то и семенила по саду между яблонь. Хохма заключалась в следующем. Когда стайка одноклассниц оказывалась в саду, мы немедленно заостряли их внимание на этом существе: дескать, какая необычная дама забрела на территорию школьного сада, не иначе как чья-либо родительница не может найти дверь в помещение школы. Надо бы ей помочь обращались мы к девочкам. Те охотно устремлялись вдогонку «родительнице». Когда расстояние предельно сокращалось, «родительница» вдруг резко поднимала майку так, что обнажались голые ягодички с нарисованным на них большим красным сердцем, затем уже поворачивался лицом и сам Шурка Смирнов, прикрывая рукой свои первичные половые признаки. Девушки сначала столбенели, а затем с визгом бросались врассыпную. Вот именно этого молодого человека я и утвердил на роль Наташи Ростовой вместо красавицы Алие. По моему замыслу это была пощечина: вместо божественной красоты существа – долговязый очкарик с глуповатой улыбкой. Это как нельзя лучше вписывалось в мою новую трактовку сцены в Отрадном. Кстати, сама сцена теперь выглядела так, чтобы все, кто мечтал увидеть на экране глаза, руки, ноги и другие прелести Алие и их не увидели, ушли из кинозала с чувством, что они все-таки отомщены.

Итак, всемирно известная сцена теперь выглядела следующим образом. Андрей Болконский тайком слушает разговор двух девушек, вторая была за кадром, возбуждается и принимает решение немедленно овладеть той, которую увидел. После того, как Наташа ложится

спать, он пробирается в ее комнату и застаёт там следующую картину. Одеяло на девичьей постели сбилось так, что видны обнаженные ягодички. В свете луны, струящемся из-за окна, ягодички кажутся столь привлека-тельными, столь аппетитными, что рука князя невольно тянется к ним. Сладострастник садится на край постели и начинает аккуратно гладить эту женскую прелесть. Ягодички неподвижны. Но вот время невинных ласк миновало, и дрожащие пальцы князя хотят полнее ощутить тело девушки, они впиваются в ее обнаженную плоть. Затем камера переходит на лицо сладострастника. На нем сначала удивление, потом неподдельный ужас. Камера снова на ягодичках. Пальцы князя проходят прямо сквозь них: сначала туда погружаются верхние фаланги, затем нижние, затем уже вся кисть руки погружена в зад, затем рука уходит туда по локоть. Князь Болконский пытается достать руку обратно и выдерживает ее из-под одеяла вместе с ведром. На ведре надпись «Тесто – приманка для князя Андрея». Князь Андрей что есть сил тащит руку из липкой массы, наконец, ему удается ее освободить, он бросается к выходу. В дверях стоит Наташа, то есть Шурка Смирнов. В одной Наташиной руке свеча, в другой ночной горшок. Она оттесняет огромным бюстом, конечно же, накладным, князя от двери, наступает на него так, что ему остается одно – плюхнуться на кровать. Тогда Наташа ставит ночной горшок на пол, вынимает изо рта сначала нижнюю искусственную челюсть, кладет в горшок, затем верхнюю, затем стеклянный глаз, снимает накладной бюст, затем отстегивает искусственную кисть руки и кладет туда же. Отстегнутым протезом ноги она подпирает дверь, чтобы Андрей не вышел. Победоносно встряхнув содержимым горшка, Наташа задувает свечу.

С каждым снятым кадром я чувствовал, как беспощадно мщу Алие, мщу не только за себя, но и за всех одноклассников. Общешкольная премьера моего фильма «Эпизоды романа „Война и мир“» состоялась в дни осенних каникул. После первых титров, каковыми были «Экранизация литературных произведений» и «В помощь школе» раздались аплодисменты это горячо хлопали две учительницы литературы. «Молодец! вслух произнесла одна из них, – „Войну и мир“ в девятом проходят, а Антон Ведрин уже в седьмом фильм снял!» Это было последнее ласковое слово, которое я услышал от литераторш не только в этот день, но и вообще до окончания школы. Когда мне вручали аттестат зрелости, они обе злорадно твякнули: «Избавились от осквернителя святынь!» Одноклассники приняли фильм с восторгом, а главное, с пониманием: «Правильно, что Шурку Смирнова в роли Наташи снял. Этой горячке на экране и показать-то нечего мы же ее видели в телескоп».

Сама Алиа на премьеру не пришла. Мести, о которой я мечтал, не получилось.

Вот, собственно, и весь мой опыт из области работы даже не в театре, а в кино. Правда, был еще один. Но о нем потом. А что теперь? А теперь сам Пушкин!

Да, что-то не стыковалось с точки зрения творческой перспективы театра в назначении меня на должность главного режиссера. Скорее всего, я прав: мой непосредственный начальник просто решил таким образом от меня избавиться вытолкнуть под нож маньяка, и дело с концом. Ну, действительно, зачем я ему нужен в отделе? Выгнать меня он не может, все-таки моему отцу слово давал, а так естественный уход. А за ним последует обновление кадров: на освободившееся место возьмут какого-нибудь сотрудника с периферии без волосатой руки в верхах, без квартиры в Москве, вот он и будет изо всех сил носом землю рыть. Такие в нашей конторе нужны. А я? Я не нужен. Баталин долго терпел меня, но последняя выходка переполнила чашу терпения. А что же я? Я с участью, отведенной мне начальником, категорически не согласен, как не был согласен с его оценкой, что я придурок с детства.

Итак, мой потенциальный враг – маньяк. Что я о них знаю? Первое. Я знаю, что маньяки любят возвращаться на то место, где однажды уже замочили кого-нибудь. Отсюда вывод: в полуразрушенном доме мы больше репетировать не будем. Второе. Маньяки охотятся всегда на одних и тех же: например, на блондинок, на проститутток и т. д. В данном случае предмет охоты – режиссер, а не, например, исполнитель. (Охотьясь он за исполнителем, меня бы внед-

рили в качестве исполнителя.) Значит, надо подыскать для себя такую точку, с которой наиболее безопасно вести репетиционный процесс. Такая точка – режиссерский пульт в зрительном зале, хорошо, если он еще будет со всех сторон окружен артистами. Ну, вроде бы пока все. Это вроде бы те меры, которые я смогу в ближайшее время предпринять, чтобы избежать уготованного мне конца или хотя бы продлить агонию.

Труппа, которой меня представили как нового главного режиссера, была прикольной. Поскольку мой начальник Баталин упорно склонял меня к версии, что убийца находится в театральном коллективе, то я был вынужден детально его изучить, чтобы впоследствии отчитываться о том, как я разрабатываю эту версию. Первым делом в глаза бросался прыщавый длинноволосый раздолбай, который из-за своей непомерной длины извивался, как любимая мной вермишель. В нем не было ни темперамента, ни огонька, флегма флегмой. Он-то и репетировал роль Дона Карлоса. Кстати, именно такой «флегмой» и являют этого героя все, кто когда-либо ставил «Каменного гостя». Ему-то и адресовала свой монолог Лаура-режиссер в тот момент, когда ее полоснул ножом человек с неуравновешенной психикой. Но примой в этой труппе безусловно была не потерпевшая. Примой была этакая дежурная красавица с размалёванным лицом, рослая, с неплохой фигурой и хриплым, надтреснувшим голосом. Такие актрисы, как правило, есть в каждой труппе. С ними обязательно спит то премьер театра, то главный режиссер. Как мне сообщил по дороге капитан Баталин, раньше с ней спал главный режиссер, пока его не заменили на нашего сотрудника, которая была женщиной. Поэтому сейчас эта прима снова спала с премьером.

Премьера нетрудно было вычислить, смазливый, с масляными глазами, такие в этом мире не хотят замечать ничего, кроме женских ног и своего отражения в зеркале. Нетрудно было догадаться, что, когда эта парочка вылезала из постели и доползала до сцены, то изображали на ней: она – Дону Анну, а он – Дона Гуана. Пошлее ничего не придумаешь. И опять же именно такую пару назначали на две главные роли те, кто ставил когда-нибудь «Каменного гостя». Еще один артист был мал ростом, коряв, курнос, а прямо на лице у него было написано: мерзавец. Такие приходят на подмостки затем, чтобы, выражаясь словами одного президента, «перетрахать и перетрахать», но не парламент, а тех служительниц Мельпомены, до кого нет дела ни главному режиссеру, ни премьеру труппы. Именно на этом уродце, как на главном подзреваемом, предлагал мне заострить внимание капитан Баталин. Никаких других лиц в этот день я не запомнил.

Меня представлял коллективу, конечно же, не мой начальник, а какой-то деятель от культуры. Он называл меня молодым, талантливым, а главное, художником, за которым закрепилась слава новаторского подхода к постановке классических произведений. (Накануне мне все-таки пришлось рассказать начальству о моем опыте экранизации романа «Война и мир».) Но я вдруг понял, что именно эта, последняя из данных мне характеристик «новатор», полностью развязывает мне руки, то есть оправдывает мой дилетантизм, и с облегчением вздохнул. В этот день мы, конечно, не репетировали, а почтили минутой молчания ту, которая внесла неоценимый вклад в постановку русской классики на современной сцене в период всеобщего духовного упадка, а главное, погибла на своем рабочем месте, – почти что на боевом посту. На этом же посту вскоре должен был погибнуть я.

Я ехал домой и выстраивал план своего спасения. Мое спасение в том, чтобы играть на опережение, а для этого надо было вычислить того, кто собирается меня убить. Во-первых, кто он, этот маньяк, убивающий театральных режиссеров? Обиженный человек. Кто, например, методично убивает брюнеток или проституток, тот, кто сам когда-то был ими обижен. Значит, этот человек обижен на театр, вернее, на театральных режиссеров. Но за что он на них обижен? Причин может быть несколько: допустим, его не приняли учиться на режиссерский факультет или не давали в театре ролей. Нет, таким способом вычислить его невозможно: ежегодно больше тысячи людей стремятся поступить на режиссерские факультеты вузов, а посту-

пают десятка два-три. А уж сколько актеров годами не получают в театрах заметных ролей, так вообще не счастье, и все они, конечно, таят обиду на режиссеров. Что ж, если вычислить злоумышленника невозможно, его придется ловить на себя, как на живца.

Теперь о том, как опять же играть на опережение, если выставить себя в роли живца? Я знал, что люди, которые стремятся сделать тебе какую-нибудь пакость, в первую очередь стремятся отвлечь твоё внимание какой-нибудь яркой деталью. Я это знал из опыта контактов с барсеточниками. Яркий автомобиль, красивая женщина внезапно завладевают твоим вниманием, и сумки или портфеля на сидении уже нет. Значит, надо быть начеку, когда какая-то яркая деталь сама лезет тебе в глаза. Это способ отвлечь, для того чтобы успешнее прикончить. Ну, что ж, остается ждать таких отвлекающих маневров где-то у себя под носом для того, чтобы схватить убийцу, находящегося в этот момент где-нибудь за спиной.

По дороге домой я нервничал. Я ждал, что кто-то будет меня отвлекать для того, чтобы второму было удобнее меня грохнуть. Но пока ничто навязчиво не бросалось в глаза.

Нервничал я еще по одной причине. С утра позвонила Янга и обещала зайти. «У меня все в порядке», – прошептала она в трубку, намекая на то, что прокладки больше не занимают в её сумочке практически весь объем. Это радовало. Но огорчало другое. Девушка вдруг заявила, что решительно отказывается есть вермишель. А чем её заменить? С утра я пересчитал деньги, их хватало либо на курицу, либо на мои заветные четыре бутылочки пива на ночь. Залью внутрь себя горьковатую, пахнущую хмелем жидкость, и сознание отключится, никаких терзаний духа, что жизнь идет не так, как хотелось бы. Я прикинул, что мне дороже: еда, а значит, и плотская любовь, или забвение души и принял решение: забвение дороже. Я решил принимать гостью без курицы: будь что будет, хлопнет дверью, уйдет, ну и ладно.

И вдруг у выхода из метро мое внимание привлек дед. Он держал в руке, что бы вы думали? Курицу, да, ощипанную курицу. Нет, дело не в том, что я никогда в жизни не видел ощипанных кур. Дело в том, что именно эта ощипанная курица буквально приковала мое внимание, а точнее, вдруг пробудила во мне весьма странные мысли. Во-первых, она не была синюшная, как большинство кур, напротив, её тушка была восковая, желтая, как тело женщины, едва тронутое первым загаром. Я вспомнил, что женщины именно с таким цветом кожи неистово ищут любовных приключений в самом начале своего пребывания на курорте. И уж если находят их, то отдаются страсти яростно и ненасытно. Странная мысль, правда? Но это была первая реакция на курицу. Была и вторая, еще необычнее.

Я неожиданно провел еще одну параллель между тушкой ощипанной птицы и телом женщины. Раньше эти тушки напоминали мне расплывшиеся тела толстух, возраст которых тянул к пятидесяти. Безобразное это зрелище, скажу я вам. А вот тушка этой курицы была мускулиста, подобрана, словно её обладательница при жизни не вылезала из фитнес-клуба, ежедневно совершенствуя тело на тренажере. И вдруг я понял, почему эта тушка поглотила меня всего: именно такое тело было у Алии, каким я когда-то наблюдал его в телескоп из окна своего одноклассника Шурки Смирнова.

Возможно, именно эта параллель со своей школьной любовью вызвала у меня желание приблизиться к продавцу ощипанной курицы.

И вдруг у меня похолодело внутри: вот она, эта отвлекающая деталь, которую злоумышленник использует, чтобы отвлечь внимание жертвы, а самому сделать свое черное дело. Я остановился как вкопанный, мысль работала с предельной четкостью: если дед с отвлекающей меня курицей находится передо мной, то где в этот момент должен находиться тот, кто хочет меня прихлопнуть? Конечно же, за моей спиной. Я резко обернулся. За спиной никого не было, только кирпичная стена тупо смотрела на меня глазами витрин, в каждой из которых была надпись: «Шатура мебель». От души отлегло.

Я, кажется, с ума схожу. Даже если против меня существует заговор, то откуда заговорщики могут знать о том, что я собирался покупать на ужин именно курицу? Стоп! Янга зво-

нила мне на мобильный и тогда же она мне сказала, что отказывается есть вермишель. Значит, мой мобильный прослушивается, для Баталина и его ведомства это пара пустяков. Противный леденящий страх вдруг снова возник у меня внутри. А вдруг стрелять в меня будут именно из витрин? Но витринные стекла были не только целы, они еще были толстыми такие не прострелишь. И вдруг меня осенило: «Да ведь я же про курицу ничего по телефону не говорил. Это я мысленно прикинул, что у меня хватит денег либо на пиво, либо на курицу. Нет, в чужую мысль наше ведомство еще не научилось проникать. Так, в самом деле, можно умом тронуться. Я успокоился и снова повернулся лицом к деду.

Дед пристально смотрел на меня. «Сынок, ты случайно не из ментов будешь?» – огорошил он вопросом. «Почему вы решили, что я из ментов?» – недоуменно переспросил я. «Да вот те тоже сначала озирались, а потом подошли». Я приблизился к старику и с удивлением увидел, что тот плакал. «Купи курочку, внучок, – прошамкал он беззубым ртом, – а то домой в деревню возвращаться не с чем. Четырех кур с утра забил – одна в одну все, как эта. Поехал, думал: продам, будет нам со старухой хотя бы на что месяц жить. Встал у метро. А тут, говорю, менты: или плати штраф или отдавай кур. Трех забрали, а четвертую уговорил оставить. Купи курочку, Христом-Богом прошу». – «Ну почему я не пошел в менты?! с искренней досадой подумал я. – Забрал бы курицу на халяву, тогда и на пиво бы деньги были. Нет, правильно сделал, что не пошел. Не смогу я вот так подойти и отобрать последнее. Я не нелюдь, чтобы среди бела дня у стариков кур отнимать. Я – сотрудник спецслужб», – вдруг неожиданно, с гордостью подвел я итог.

Вдохновленный этой мыслью, я полез в карман, достал все имевшиеся там деньги, выложил их на ладонь и спросил: «Хватит?» – «Хватит! Хватит!» – засуетился старик, сгребая купюры. Я держал в руках на редкость сексапильную курицу – напоминание об Алие и вдруг со страхом подумал: «Не бывать сегодня забвению души, не бывать впервые за много лет, короче, нет у меня сегодня четырех бутылочек пивка на ночь».

Янга после того, как смолотила полкурицы и накувыркалась в кроватке, неожиданно заявила, что ей надоело после наших свиданий куда-то уходить и придумывать для родителей всякие небылицы о том, где она была и почему не хочет есть, и вообще она заявила, что не будет учиться, а ее мечта стать домашней хозяйкой. Одним словом, она намекала на то, что я должен сделать ей предложение выйти за меня замуж. Это было не в первый раз. Раньше в таких случаях я заявлял ей, что не намерен вступать в брак, и она надувала губки, одевалась и уходила, хлопнув дверью, правда, потом сама звонила первой приблизительно через два дня, и все возвращалось на круги своя.

Но сейчас, в свете последних событий, я вдруг подумал: «А почему бы мне не сделать человеку приятное, взять да и жениться. Янге замужем хорошо, а мне в браке мучиться не долго – все равно скоро грохнут. Есть и прямая выгода: если я женюсь, то на могилу ко мне будет приходить молодая вдова, вся в черном, цветочки там разные сажать, а так лежи один и зарастай бурьяном. И я вдруг решительно заявил, что если она хочет, то я хоть завтра женюсь на ней. Девушка, счастливая, упорхнула за дверь.

Я остался один. Необходимых для забвения четырех бутылок пива, повторяю, у меня не было, и поэтому я решил готовиться к завтрашней репетиции, открыл томик Пушкина и почему-то наткнулся не на «Маленькие трагедии», а на письма. В глаза мне бросилась строка, обращенная к приятелю: «... участь моя решена, я женюсь...».

Интересно, а что будет с моей Янгой после того, как она станет вдовой? Эта мысль почему-то не оставляла меня все то время, пока я добирался до работы. Она, что, до конца своих дней будет жить одна и ездить ко мне на могилку по субботам? – Конечно, нет. Поплачет какое-то время, а потом жизнь возьмет свое. Найдется ухажер, которому приглянется молоденькая вдовушка. Он станет волочиться за ней, возможно, даже без серьезных намерений, а так, ради спортивного интереса. Вот и сейчас к ней клеится какой-то Либерман, ее начальник

с фармацевтической фирмы, хотя и женатый, а то и дело предлагает проводить после работы. Так это я еще жив. А когда меня не станет, тогда совсем караул: все эти либерманы сразу слетятся на Янгу, как мухи на мед. Где уж тут устоять молодому неопытному созданию?!

«Стоп! – вдруг скомандовал себе я. – А ведь и Пушкин женился почти на ребенке: Гончаровой-то было лет всего ничего. Наверное, он, сидя в Болдино перед собственной свадьбой, думал о том же, о чем сейчас думаю я, – о том, как мимолетны и неглубоки чувства еще совсем юной девицы. Тогда почему все те козлы, которые ставили на сцене «Каменного гостя» до меня, утверждают на роль вдовы убитого Командора актрису, которой почти под сорок? Бездари они оттого и утверждают на эту роль разных старух, – пришел к заключению я, и сделал единственную запись в своем режиссерском блокноте: «Дона Анна должна быть почти ребенком!» Этим ограничилась моя подготовка к первой репетиции.

Придя в театр, я решил первым долгом позаботиться о собственной безопасности. Первым делом следовало создать живой щит между собой и маньяком. Для этого актеры должны были сидеть плотным кольцом вокруг режиссерского пульта. За пультом находился я. В этом случае маньяку будет сложнее до меня добраться, чтобы полоснуть ножом, как мою предшественницу. Оглядев зал, я, к собственному ужасу, увидел, что члены труппы сидели, кто где хотел: одни в первом ряду, другие в середине зала, третьи в самом его конце. Их немедленно следовало как-то собрать в одну точку вокруг меня. Но как это сделать? И вдруг меня осенило. «Друзья! – обратился я к коллегам по цеху, – я не хочу, чтобы наш спектакль стал продуктом только одной творческой мысли – моей. Я хочу, чтобы по завершении работы каждый из вас мог сказать: „В сделанном есть и моя лепта“. Короче, я буду охотно принимать во внимание подсказки, советы, творческие находки каждого из вас, поэтому прошу сесть ко мне поближе, а лучше сядьте вокруг меня, чтобы образовалось интеллектуальное кольцо, я бы даже сказал энергетический круг». Трюк удался: актеры охотно повскакивали со своих мест и со словами «сотворчество – это прекрасно!» устремились к режиссерскому пульта и заняли места вокруг меня. Кто-то даже воскликнул: «Это будет настоящий студийный спектакль!» – «Во, во, – подхватил я, – спектакль будет и настоящий, и студийный, и созданный в сотворчестве». Я внимательно осмотрел образовавшийся вокруг меня живой щит и с удовлетворением отметил, что маньяку с ножом сквозь него до меня не добраться. Я положил на пульт свой блокнот, открыл его в том месте, где была сделана единственная запись, и вдруг неожиданно для себя стал перед фактом, что я должен что-то говорить собравшимся. Но что?

Из затруднительного положения меня вывел помощник режиссера. «Вам принести чай или кофе?» – спросила она. «Кофе», – ответил я. «А вот Алла Константиновна всегда пила чай, – с горьким вздохом сообщила помреж и добавила, – и еще она грызла сушки, когда нервничала». Я сообразил, что речь идет о моей предшественнице, которая в отличие от меня не удосужилась оградить себя от злоумышленника плотным людским кольцом. Поэтому я ответил: «А я вообще не нервничаю. Я спокоен как удав». – «Вот это правильно!» – услышал я у себя за спиной надтреснутый женский голос. Я обернулся. Это была прима театра. «Хотите, я вам кофе сварю. – елейным тоном спросила она. – Я очень хорошо это делаю». Я одобрилительно кивнул головой, а сам подумал: «Заискивает – боится роль не получить. Ведь новая метла метет по-новому». Пока мне варили кофе, помощница режиссера что-то еще плела про привычки покойной Аллы Константиновны. Я с пониманием кивал головой, артисты вокруг меня сокрушенно вздыхали. Наконец, кофе был подан, я сделал первый глоток, и у меня тут же от волнения ком застрял в горле. Я понял, что в чашке не только кофе, но и какая-то отравка. Слава Богу, что я не успел много отхлебнуть и сразу закашлялся. Я поставил чашку на место, несколько рук стучали меня по спине, а я мучительно соображал, что делать дальше. Да, в этом кофе какой-то яд. Кофе принесла мне прима. Можно взять ее сейчас же с поличным. Но какое предъявить обвинение? Попытка отравить сотрудника спецслужб? Таким образом, я обнаружу себя раньше, чем распутаю порученное мне дело. В нашем ведомстве это запрещено. Если я так

поступлю, меня все равно отправит на тот свет не эта сука, а кто-то другой. Так что лучше сделать вид, что я просто поперхнулся, а в содержании поданного мне напитка ничего необычного не было. Знать, от кого исходит угроза, – это верный шанс предотвратить ее. А я теперь знаю.

«Видать, кофе-то был не от чистого сердца!» – широко улыбнулся я примадонне театра, когда откашлялся. Та смотрела на меня вытаращенными глазами, белая как мел. Я решил дожимать ее до конца. «Ну, что же, начнем работать. Итак, кто был назначен ранее на роль Доны Анны?» – спросил я, словно не знал, что это та, что только что подавала мне отравленный кофе. «Я», – тихо ответила примадонна и застыла в ожидании. Тогда я огорошил ее вопросом: «Скажите, у вас есть дочь?» – «Есть», – ответила актриса, не понимая, куда я клоню. «Сколько ей лет?» – «Четырнадцать». – «Вот именно столько лет и должно быть главной героине спектакля», – торжественно произнес я, обращаясь ко всей труппе. Это означало новаторский подход к трактовке образа, но, главное, в моих словах таилось, что той, которая только что хотела меня травануть, не видать главной роли как своих ушей. Я думал, что примадонна от этих слов упадет в обморок, но она неожиданно обрадовалась. «Так что, мне доченьке сейчас позвонить? засутилась она, доставая из сумки мобильник. Она у меня преславная и занимается в театральном кружке». От такой неожиданной реакции актрисы я растерялся, и чуть было не сказал: да, звоните.

Я встал из-за пульты и на всякий случай направился к сцене подальше от этой странной особы. Так безопаснее. И вдруг меня обожгла мысль: «Что я делаю? Зачем при всей труппе я говорю о дочери примадонны? Ведь еще немного, и я буду обязан назначить именно ее на роль Доны Анны. И тогда рядом со мной этих змеюк-отравительниц будет уже не одна, а две. И еще одно обстоятельство: назначь я на роль родственницу актрисы, получится, что я сам своими руками выведу на большую сцену еще одного ненавистного мне «сынка», а точнее, «дочурку». Дочурка после дебюта в такой нехилой роли займет надежное место в труппе. Самодовольная, наглая, бездарная, она не даст пройти на подмостки какому-нибудь настоящему дарованию, не пустит на сцену какую-нибудь способную девочку, как когда-то туда не пустили меня. «Нет, – подумал я, – не бывать этому!»

И вдруг словно кто-то свыше услышал мой монолог открылась дверь в зал и вошла девочка. Ну, не совсем, конечно, ребенок, а именно подросток. На вид ей было лет четырнадцать-пятнадцать. Это была дочь уборщицы. Вошедшая обратилась сразу ко всем собравшимся: «Мама спрашивает, вы будете репетировать или можно убирать на сцене?» «А это ты у нового „главного“ спроси», – кивнула примадонна в мою сторону. Девочка пошла ко мне и уже было хотела открыла рот, чтобы задать тот же вопрос, но я опередил ее и заговорщицки поманил пальцем, чтобы она подошла ближе. Она подошла. Я спросил нарочито громко, чтобы слышали все: «Хочешь играть в спектакле?» Девочка от удивления открыла рот, да так и застыла. Когда ей удалось, наконец, начать шевелить губами, она спросила: «А какую роль?» Я заорал чуть ли не на весь театр: «Главную!» Я увидел, как у подростка задрожал подбородок. «Это вместо нее?» – заикаясь от волнения, спросила дочь уборщицы, покосившись на примадонну. «Да», – твердо ответил я. «Да она меня прикончит!» – в ужасе пролепетал подросток. «А что, уже был прецедент?» – громко спросил я, так, чтобы «отравительница» слышала. Девочка от страха побледнела и многозначительно повела плечами, затем ее ножки подкосились, и мне пришлось схватить ее обеими руками за плечи, чтобы она тут же не грохнулась на пол. Я несколько раз с силой тряхнул ее, чтобы она пришла в себя, как это делал обычно капитан Баталин после того, как объявлял кому-то из молодого пополнения, что предстоит идти на задание, где, может быть, будет опасно. При этом капитан произносил слова, глядя в остановившиеся от страха глаза сотрудника: «Смелее надо быть! Смелее!» То же самое я выпалил девочке: «Смелее надо быть!», а затем обратился к труппе. «Друзья, сейчас мы пройдем следующий эпизод: первая встреча Гуана с Анной у памятника погибшему Командору. На роль Доны Анны мы попробуем вот это очаровательное юное существо. Прошу любить

и жаловать». Девочка неумело поклонилась труппе. В зале наступило гробовое молчание – даже признав во мне неистребимого новатора, такой примочки не ожидал никто. Особенно приятно мне было видеть лицо примадонны, которая уже мысленно отвела эту роль сначала себе, потом своей дочери. На нее было жалко смотреть: и травануть меня не смогла и роли лишилась. Одним словом, она была растоптана мною, раскатана по асфальту.

Но существует такая категория женщин, броских, успешных, к которым мужчины опасаются подойти, пока те, образно говоря, на коне. Но стоит этим особам оказаться низвергнутыми, а значит, растерянными, беспомощными, как представителей сильной половины человечества сразу начинает неудержимо к ним тянуть, хочется помочь, поддержать, словом, поучаствовать в их судьбе, но и, конечно, приласкать. Вот и я для себя отметил, что не прочь бы переспать с примадонной, но именно с такой растоптанной и поверженной. Правда, тут же в голове возник вопрос: «А как в этом случае ты собираешься с ней переспать, если ты турнул ее с главной роли и ее дочери эту роль не оставил? В театре так не бывает». Но тут же что-то внутри меня самостоятельно продиктовало ответ: «Время покажет. А пока пусть спит с тем, с кем спала». Я невольно перевел взгляд на премьера – того, с кем волею моего решения обречена спать первая актриса труппы, и решил идти до конца в своих отношениях с этой парочкой.

«Кто у нас репетировал роль Дон Гуана?» – обратился я к коллективу, хотя прекрасно знал, кто ее репетировал тот, с кем спала, а главное, из-за моей выходки еще будет спать несостоявшаяся донна Анна.

«Я», – ответил записной красавец и даже встал. Я смерил взглядом его статную фигуру, оценил подчеркнуто правильное лицо и неожиданно заявил: «Нет, не пойдет». Глаза первого красавца труппы от удивления выкатились из орбит, он беззвучно шевелил побелевшими губами, хотел, видимо, спросить, почему не пойдет, но от волнения не мог. Я всё объяснил сам: «Потому что Дон Гуан – это сам Пушкин. Откройте книгу любого пушкиниста, прочтете в ней именно это. Давайте вспомним, каким был Александр Сергеевич. – Он был маленького роста, страшенький на вид, но языкатый, черт. Ему баб приходилось языком соблазнять. Красивому мужчине, как вы, не надо говорить женщине столько изящных слов, не надо плести вокруг нее сети. Женщины на красавцев кидаются сами, одним словом, такой симпатяга, как вы, в роли пушкинского Дона Гуана – это недостоверно. Ну, не Пушкин вы в этом смысле». Красавец растерянно закивал головой: «Нет, я не Пушкин, я – другой, еще неведомый изгнанник...». – «Ну, вот и славно», – подвел я итог.

Я обвел глазами зал в надежде найти того, кого можно назначить на роль Дона Гуана, и увидел его сразу. Это был актер, которого капитан Баталин отметил как главного подозреваемого в убийстве предыдущего режиссера. Я, конечно, запомнил его еще при первой встрече с труппой: маленького роста, какой-то корявый, курносый и при этом видно по повадкам: маниакальный бабник, который самоутверждается за счет числа соблазненных женщин и еще, небось, в чисто мужском коллективе с гордостью хвастает, сколько из них сделали от него аборт. Нет, он не ставит своей целью доставить женщине удовольствие в минуту любви. Он охотник, его цель сам факт этих минут, а не их качество. А вдруг таким и был сам Пушкин в своей неженатой жизни? По крайней мере, любовный список поэта широко известен. Именно в таких вот утверждающихся через обладание женским телом уродцах, уродцах, которые не несут соблазненной женщине никакой радости, а только страдание и боль, и видел Пушкин угрозу для своей юной неопытной избранницы Натальи Гончаровой, вот такого гада, осмелившегося приблизиться к ней, он был готов без промедления убить.

Да, Бог с ним, с Пушкиным! Главное, что Либерман, который пытается приударить за моей Янгой, он именно такой. Я как-то осуществил наружное наблюдение за этим типом и увидел одно: красотой он не блещет, а все больше чешет языком. «Дон Гуана будете играть вы», – сказал я, глядя в глаза «уродцу». Он от радости аж подпрыгнул. И понятное дело:

актеры такой комплекции, как он, до седых волос в театре играют роли, состоящие из двух слов: «Кушать подано!», а тут – Дон Гуан!

Репетиция началась. «Деточка, – стал я рассказывать дочери уборщицы ее роль. – Вот ты, такая как есть, пришла на могилу какого-то старого дядьки, который был тебе, скорее, отцом. А даже, если он и был тебе мужем, то ты из-за малых лет и неразвитого организма вряд ли могла что-то оценить». Я увидел в глазах девочки непонимание. Тогда решил говорить конкретно. «Ты вообще-то с мальчиками пробовала?» – задал я бесстыдный вопрос. Задал, конечно, тихо, так, чтобы не слышал никто. Девочка густо покраснела и потупила глаза. «Говори мне, как врачу, – потребовал я. Режиссер это тот же врач. Он врачеватель людских душ. Понятно? Ну, так как: пробовала или нет?» – «Пробовала», – ответила девочка, не поднимая глаз. «Ну, и как впечатление?» – поинтересовался я. Подросток неопределенно повел плечами, а потом доверительно сказал: «Мне больше понравилось на американских горках кататься». – «Ну, вот и славно!» – обрадовался я, ведь услышал именно то, что хотел. «А теперь представь, что к такому дядьке, который приставал к тебе с глупостями вместо того, чтобы каждый день катать на американских горках, ты обязана чуть ли не ежедневно ходить на могилку. Вот мы накинули на тебя черное покрывало вдовы, вот дали в руки четное число обязательно белых цветов, приставили монаха. Иди!»

Мы и впрямь накинули на хрупкую девочку какую-то черную тряпку, выдали ей два белых пластмассовых цветка, и она пошла туда, где условно находилась могила Командора, скорбно склонив голову. И вдруг... Вдруг девочка остановилась, завертела в разные стороны головой, вся ожила. «Я увидела бабочку! – прокомментировала она мне причину своей перемены. Я хочу ее поймать. Можно?» – «Валяй!» – поддержал я ее сценическую импровизацию, и Дона Анна бросилась, весело припрыгивая, вслед за пестрым насекомым, пытаясь его поймать заброшенной на плечи черной тканью, предварительно наспех бросив на землю цветы. Это было именно то, что мне надо, ребенок-вдова. Это было то, о чем писал Пушкин! Но следовало как-то остановить эту удачную импровизацию, и тогда я шепотом бросил в зал: «Монаха! Срочно на сцену монаха!» На роль монаха еще прежним режиссером был назначен толстяк Володька, по фамилии Ожогин. Монах возник перед разыгравшейся вдовой, как каменное изваяние, бессловесно напомнившее ей о том, что она находится на кладбище и здесь следует себя вести иначе. Юное существо нехотя прервала свою забаву, подняла с земли цветы, поправила траурную накидку и с сожалением проводила взглядом улетевшую бабочку. Только тогда она не пошла, а поплелась дальше в направлении условной могилы. Это было бесподобно! Именно так ведут себя дети, когда родители, позвав их с улицы, заставляют учить уроки.

И вот тут доселе прятавшийся Гуан вышел на авансцену в сопровождении своего слуги, приступил к обсуждению увиденного. «Что, какова?» – уставшим голосом спросил хозяина слуга. (На этой роли я тоже оставил актера, утвержденного моей предшественницей.)

И вот тут Дон Гуан блеснул: он мастерски произнес пушкинскую фразу: «Ее совсем не видно под этим черным вдовьим покрывалом», произнес с такой досадой, с какой сетуют в банях сексуально озабоченные мужики, стремятся подглядеть в щелочку, что творится в соседнем, женском отделении, а там из-за пара ни зги не видать. Но на следующей фразе актер превзошел самого себя. Создалось впечатление, что вдруг какой-то подсматривающий в щёлку мужик всё-таки различил фрагмент желанного женского тела и радостно сообщает об увиденном окружающим, мол, не зря смотрел. Так и мой дон Гуан отрапортовал слуге о результатах своего наблюдения: «Лишь узенькую пятку я заметил».

После этой фразы как-то омерзительно стало на душе. Но когда Дон Гуан затем сказал своему слуге: «Слушай, Лепорелло, я с нею познакомлюсь», что означало, я трахну и ее, стало вообще нестерпимо мерзко. Действительно, когда ничтожный похотливый мужичонка собирается соблазнить пусть приличную, но взрослую женщину, это просто неприятно, когда тот же мужичонка целит, но уже в ребенка, за это хочется не только набить ему морду, а конкретно

прикончить. Это желание ощутил не только я. Кто-то из зала визгливо крикнул: «Убить бы тебя, подонка!» Наверняка это была одна из тех артисток, которая делала аборт от исполнителя главной роли. «Теперь вы поняли, – прервав репетицию, обратился я в зал, – почему пушкинский Командор безжалостно убивает Дона Гуана? Почувствовали вы это всем своим существом? И, не дожидаясь ответа, пояснил: «Пушкин говорит всем нам: «Нельзя соблазнять ребенка. А ведь именно таким ребенком виделась ему будущая жена Наталья Гончарова. Одним словом, Командор это сам Пушкин». В зале наступило гробовое молчание. На меня с нескрываемым удивлением смотрели полтора десятка глаз. «Как же так? – недоуменно спросила меня примадонна. – Ведь пять минут назад вы говорили, что Пушкин писал с себя Дона Гуана, а сейчас утверждаете, что он писал с себя Командора».

В ответ я выпалил такое, до чего не мог дойти ни один пушкиноведа: «Пушкин это и Дон Гуан и Командор одновременно». «Это как?» – робко спросил кто-то. Признаюсь, я сам не знал, как, но вдруг нашелся: «В минуты творчества у гениального поэта имело место раздвоение личности». В зале заплодировали. Я понял, что только что поддержал данную мне характеристику театрального новатора.

Чашка, в которой мне подали отравленный кофе, бесследно исчезла. Я обыскал весь театр, но ее не нашел. Так что отдать на экспертизу напитков, которым меня потчевала примадонна, не представлялось возможным. Улик против нее никаких. Это минус. Но есть и плюс: злоумышленница себя обнаружила. А я сделал вид, будто не понял, что в кофе что-то подмешано. Ну, подумаешь, поперхнулся и не стал пить дальше. Актриса явно поверила, что я так и нахожусь в неведении. Значит, можно продолжать игру.

Я немедленно помчался к себе на работу. Там я запросил информацию на эту особу и уже через час с интересом изучал всё, что о ней было известно в нашем ведомстве. Подкозырная Маргарита Львовна. Закончила театральный институт по специальности «актриса театра». Дебютировала в роли царевны Лягушки в сказке «За чем пойдешь, то и найдешь». Затем было несколько главных ролей в русской и зарубежной классике. Прочно закрепились на первой позиции в коллективе экспериментального молодежного театра. Последняя крупная роль – Джульетта в трагедии Шекспира. Неоднократно выезжала на гастроли за рубеж. Четыре работы в кино. Одним словом, творческая судьба довольно успешная.

Это обстоятельство никак не укладывалось в те две психологические схемы, которые я составил накануне, схемы, в рамках которых должен действовать человек, маниакально убивающий режиссеров театра. Речи о том, что Маргариту Львовну не подпустили к театральным подмосткам, быть не могло, а предположение, что на сцене она обделена ролями, не соответствовало действительности. А может, её в детстве изнасиловал режиссер и в её организме мутировался какой-нибудь ген мести? Нет, чепуха. Применительно ко мне – мужчине – эта версия еще может пройти, но применительно к покойной Алле Константиновне – никак. Тогда где мотив преступления? Короче, зачем она это делает, зачем мочит своих режиссеров? А может, это делает вовсе не она? Ведь что именно мне подмешали в кофе, я так и не смог узнать. На всякий случай я запросил информацию о том, где находилась актриса в момент убийства моей предшественницы: была ли она в импровизированном зрительном зале среди своих товарищей по цеху. Если была, то версия, что она убийца, отпадает.

Не пытаясь что-нибудь понять, я тупо листал папку с надписью «Актриса Подкозырная». В моих руках то и дело оказывались её фотографии то в исторических костюмах, то вообще едва ли не в чем мать родила. И вдруг моё внимание привлек прелюбопытный документ: это была ксерокопия диплома об окончании этой особой высших режиссерских курсов. С момента их окончания прошло более пяти лет, а ни одной самостоятельной режиссерской работы в её активе не было. «Так вот в чем дело, – с облегчением выдохнул я, – убивая руководителей творческого процесса, она тем самым расчищает дорогу себе к месту к режиссерскому пульта». В этот момент мне принесли рапорт о происшествии, связанном с убийством

режиссера во время репетиции в заброшенном доме. Актрисы Подкозырной в этот день среди актеров не было. Убийцей режиссера вполне могла быть она. Правда, убийцей по свидетельству очевидцев был мужик. Но загримироваться под мужика для профессиональной актрисы плевое дело.

Соответствующая реакция на мое заявление о раздвоении личности Пушкина не заставила себя долго ждать. Уже на следующий день на репетицию заявились двое. Представились чиновниками министерства культуры. «Ну, как тут у вас дела?» – спросили они, настолько неумело маскируя свою полную осведомленность о том, что вчера у нас имел место интеллектуальный прорыв в подходе к творчеству великого поэта. У меня даже отпала охота играть в кошки-мышки с господами из министерства, то есть делать вид, будто бы я не догадываюсь, что они все знают. Я вызывающе ответил: «Так вы ведь в курсе». Теперь настала очередь растеряться вопрошавших. Возникла неловкая пауза, из которой чиновники от культуры нашли следующий выход: «Ну, покажите, что там у вас уже получилось».

Показывать особо было нечего, кроме того крохотного фрагмента, который мы репетировали вчера. Я показал, что было. Первый визитер пожал плечами. Мол, ничего особенного. Зато второй, который своими мягкими кошачьими повадками, скорее, напоминал не министерского сотрудника, а сотрудника того ведомства, к которому я принадлежу, буквально воспрянул духом: «Оригинально! Вдова – подросток. Это очень оригинально! На Западе любят, когда в центре событий находится именно подросток-девочка. Они там вообще помешались на малолетних девчонках: исследуют их, как лягушек: о чем те думают, чем живут. Ваша трактовка пушкинской Доны Анны прямо в струю! – радостно похлопал меня по плечу тот, кто напоминал мне коллегу, и тут же, решив сыграть в открытую, спросил. – А что это у вас за раздвоение личности Пушкина?» Я пожал плечами: «Раздвоение как раздвоение. Чиновник уточнил: «Я имел в виду, как это будет выглядеть на сцене?» Он задал этот вопрос в лоб, даже не удосужась объяснить, откуда у него эта информация. Поэтому я так же в лоб ляпнул ему первое, что пришло в голову: «А на сцене вместо памятника Командору будет стоять памятник Александру Сергеевичу Пушкину. Да, стоять на постаменте. Из этого постамент будет выходить загримированный под молодого Пушкина Дон Гуан, играть свои сцены и в этот же постамент, отыграв, он будет заходить обратно. А в финале один Пушкин – бронзовый, убьет другого Пушкина – живого, вот где трагедия-то». У министерского чиновника от услышанного просто вылезли из орбит глаза: «Нет, это какой-то бред!» Его спутник, умно сощурившись, осторожно спросил: «А откуда у вас такое видение этой пьесы?» Теперь я сделал большие глаза: «Как откуда?! Ведь Пушкин, когда на дуэль ехал, он же ехал Дантеса убить, не морали ему читать». В глазах вопрошавшего появились признаки понимания. Я продолжал: «Пушкин ехал на дуэль для того, чтобы убить Дантеса из-за своей жены, хотя он сам еще недавно был таким, как Дантес. Соблазнял чужих жен направо и налево. И тогда в Болдино задолго до роковой дуэли он эту ситуацию предчувствовал. Вот где раздвоение личности автора. «Каменный гость» – это внутренняя драма самого поэта».

«Нет, это определенно какой-то бред! – опять воскликнул чиновник министерства. – Это уже слишком! Это, молодой человек, у вас не Пушкин, а какой-то Фрейд». Но тот визитер, с которым я, собственно, и вел разговор, вдруг осадил чиновника. «Нет, это не бред! произнес он, не скрывая радости, – а что касается Фрейда, так опять юноша попал в точку: фрейдизм на Западе – религия двадцатого века. Они там, на Фрейда молятся, как мы здесь на Иисуса Христа. Продолжайте работать в том же направлении, – похлопал он меня по плечу и добавил. Будьте уверены: публика в Эдинбурге воспримет ваше детище на ура». Комиссия удалась.

У меня осталось двойственное впечатление: с одной стороны, я был рад, что меня похвалили эти высокопоставленные люди, а с другой стороны, я недоумевал, откуда они уже на следующий день знали обо всём, что здесь происходит? Во-вторых, откуда они знали дальнейшую судьбу моего спектакля, спектакля, в котором пока был отрепетирован лишь один проход

и один монолог? Откуда они знали, что он непременно будет показан на Западе и обязательно в Эдинбурге?

Ответ на первый вопрос напрашивался сам собой: в труппе существует осведомитель. Но непонятно, зачем нужна информация от осведомителя ФСБ, когда сюда внедрен я – сотрудник того же ведомства. Двумя источниками пользуются в том случае, когда готовится очень серьёзная операция.

А вдруг этот спектакль и есть серьёзная операция? Не случайно во главе этого проекта изначально стоял человек, связанный с ФСБ, – покойная Алла Константиновна, как известно, с нами сотрудничала. Тогда становится ясно, почему этот сегодняшний визитер с умными глазами уверен, что мое творение непременно окажется на Западе – таков план операции. Вот, кажется, ответ и на второй вопрос. Алла Константиновна? Она или случайно выбыла из игры, или её силой заставили из неё уйти. Сейчас её функцию выполняю я. Смущает меня еще и то, что мой непосредственный шеф капитан Баталин не требует от меня отчетов о том, как идет расследование убийства прежнего режиссера. Я ничего никому не докладываю, и, похоже, что это тоже входит в чьи-то планы.

Итак, я – часть чьего-то замысла, я часть чьей-то игры, в которой я пока не только делаю все, что надо, но и больше и лучше, чем предусмотрено.

И в этот момент мой взгляд упал на примадонну, которая, как ни в чем не бывало, приводила в порядок свое лицо, находясь при этом точно за спиной того кресла, в котором буду должен расположиться я, когда, наконец, займу место за режиссерским пультом. У меня сразу отошли на второй план такие вопросы, как: чья это игра, в которой я участвую, в чём её смысл, внезапно я озадачился другим: если я так хорошо всё делаю, как спецслужбы могут позволить убить меня какой-то маньячке? Нет, такого позволить они не могут. Вероятно, для того чтобы меня от неё защитить, в труппу и внедрён второй сотрудник спецслужб. Но вчера-то она меня только чудом не траванула! Куда он тогда смотрит, этот козёл? Уж лучше о своей безопасности мне позаботиться самому. Отсюда вывод: мне никак нельзя находиться рядом с ней. Вчера я улизнул с режиссерского пульта на сцену. А сегодня? А сегодня на сцену надо отправить её, а самому усесться за пультом, а то у меня после вчерашней, проведенной на ногах репетиции болят конечности. Так пусть они лучше у неё и болят!

«Маргарита Львовна, попрошу вас подняться на сцену», – обратился в зал я к своей отравительнице. Пока она пробиралась между кресел, я мучительно думал, чем её на сцене занять. Роль Доны Анны я у неё отнял. А нет ли в пьесе другой мало-мальски существенной женской роли? Как же нет. Есть. Лаура – та самая роль, которую взялась лично играть бывшая режиссерша... себе на погибель.

Когда я объявлял о своём решении назначить именно ее на эту роль, то внимательно смотрел на её лицо. Я рассчитывал, что злоумышленница как-то выдаст себя: покроется испариной, побледнеет. Ведь это она грохнула режиссершу, когда та репетировала именно Лауру. Но ни единого признака беспокойства мною замечено не было. «Вот это выдержка!» – одновременно и восхитился и испугался я.

Но я решил так просто не сдаваться, решил ещё как-то напомнить ей о той злополучной репетиции поставить примадонне в пару того самого партнера, который репетировал вместе с убитой – пусть он служит живым напоминанием её злодейства. «Кто был назначен Аллой Константиновной на роль Дона Карлоса? – обратился я к труппе. – Прошу на сцену». На сцену поднялся тот самый прыщавый длинноволосый раздолбай, которого я отметил ещё в первый день, да-да, тот, что из-за своей худобы и высокого роста извивался как моя любимая вермишель в кастрюле. Я вспомнил, что уже при первом беглом взгляде отметил в актере полное отсутствие темперамента. Такие флегмы, угодив в театр, всегда мечтают сыграть роль Гамлета. Ну, что же, будем отплясывать именно от этого. Он, кажется, вполне интеллигентным человеком.

Добившись того, что моя отравительница заняла место на сцене и получила партнера, я решил немедленно дистанцироваться от неё подальше, поэтому занял место в зале за режиссерским пультом. Следующей моей задачей было продержаться от неё на этой дистанции как можно дольше. Я начал репетицию.

«Кто такой, по-вашему, Дон Карлос?» – спросил я долговязого актера. Тот замялся: «Кто, кто? Испанский гранд». «И всё?» Волосатый юноша пожал плечами... «А что он тут делает, этот гранд, за кулисами какого-то задрипанного площадного театрала?» – не унимался я. «Он пришел посмотреть на Лауру.» – тихо ответил флегматичный актер. «Зачем? Зачем ему, гранду, смотреть на какую-то девку из подворотни? Ему, что, светских дам мало?» – наседал я. «Я не знаю, – виновато признался флегматик. – Ваша предшественница нам так объясняла: мол, благородный гранд пошел в народ». «Царствие ей небесное, моей предшественнице, – невольно вырвалось у меня. – Делать ему больше нечего, как в народ ходить». Большая часть актеров перекрестилась. Я решил загладить свою бестактность и стал брать этого флегматичного парня за живое: «Во-первых, Дон Карлос – это единственный порядочный, просвещенный человек посреди этого сброда, который пришел к Лауре. Вот, например, как вы». Юноша покраснел от удовольствия. «Наверняка в руках у Дона Карлоса томик кого-нибудь из латинских историков или философов», – высказал догадку я и тут же понял, что попал в точку. Мой «Дон Карлос» покраснел ещё больше и достал из-за спины руку, в которой и впрямь оказалась какая-то книга. Светоний. «Жизнь двенадцати цезарей», – пояснил длинноволосый. – Я её и впрямь читаю на репетициях... – а потом вдруг, покраснев уже сверх всякой меры, добавил, – даже на ваших». Актер, да и вся труппа, рассчитывали, что я сейчас разорусь, но я решил всех обескуражить. «Правильно! Вот это и надо играть. Вокруг бордель, пикантная шлюха, а он сидит и читает Светония, – с энтузиазмом воскликнул я и вдруг увидел, что мой энтузиазм актер не разделяет. Я решил выложить главный козырь. – Дон Карлос это тот же Гамлет, образованный, просвещенный, с возвышенной душой, которого лишь обстоятельства, то есть смерть брата, заставили соприкоснуться с пошлой животной жизнью. Вы бы хотели сыграть Гамлета?» – неожиданно, глядя в упор, спросил я. Флегматичный волосатый актер, наверное, ждал этого вопроса всю свою непродолжительную жизнь и ответ на него он выучил назубок. «Да», – твердо сказал юноша. «Вот и играйте!» – последовало мое напутствие.

О, если бы вы видели в эту минуту его глаза! Это были глаза человека, достигшего вершины счастья. Повторяю: какой флегматичный, долговязый, заросший волосами актер не мечтает сыграть роль Гамлета?! У этого же «волосатика» мечта сбылась. «Это про схожесть характеров, – продолжал разбирать роль я. – А теперь про схожесть обстоятельств. Гамлета заставила вернуться в Данию смерть отца. Дона Карлоса заставила оторваться от любимых книг смерть брата. Его убил Дон Гуан, убил именно из-за Лауры. Вот юный философ и пришел в этот вертеп посмотреть на женщину, из-за которой погиб его брат. Вы бы разве не пришли на неё посмотреть, случись у вас в семье такое?» – «Пришел бы», – уверенно сказал актер-философ. «Вот и смотрите, изучайте её, старайтесь понять, почему из-за неё погиб, наверное, самый близкий вам человек. Но только изучайте ее невзначай, изредка отрывая глаза от Светония. Вы умный человек, вам чтобы раскусить, кто она, долго всматриваться не надо. Понятна сверхзадача?» Юноша кивнул головой.

«А кто она, эта Лаура?» – неожиданно спросила примадонна, назначенная на эту роль. Я взглянул на свою отравительницу и решил ужалить её побольнее: «Шлюха она, вот она кто!» – «А ваша предшественница Анна Константиновна говорила, что Лаура воплощение жизнелюбия и философского отношения к жизни, присущего самому Пушкину», – ответила примадонна ударом на удар. Я понял, что это бунт, и решил его немедленно подавить. «Лаура шлюха! Шлюха! И ещё раз шлюха! – как из пулемета выпалил я и, не дав актрисе опомниться, выложил свой режиссерский план. Эту сцену надо играть так. Лаура, отыграв спектакль, вбегает в помещение, которое служило местом переодевания в средневековом театре. Она в дурном распо-

ложении духа, в зале не оказалось никого, кто мог бы стать её богатым покровителем на эту ночь. За ней устремляются её постоянные поклонники со всякого рода дежурными комплиментами типа «Клянусь тебе, Лаура, никогда с таким ты совершенством не играла!»... Я вдруг посмотрел прямо в глаза актрисе: «Вам разве не говорили после спектакля таких комплиментов в надежде переспать с вами?» – «Говорили», – ошарашено ответила она. «Ну, так вот, – продолжил я. – Лаура слушает всю эту чушь, но ни один из воздыхателей её не интересуется, все они бедны как церковные крысы. Она спешит успеть ещё в один ночной притон, спеть там что-нибудь или сыграть. Там, возможно, она ещё успеет снять на ночь богатенького Буратино. Ситуация знакома?» – опять, глядя в упор, спросил я актрису. «Знакома», – подтвердила она, её глаза загорелись, и я почувствовал, что она уже увлекается моим замыслом. Окрыленный успехом, я продолжил: «Так вот: чтобы подчеркнуть окружающим мужчинам свое пренебрежение, Лаура переодевается прямо при них. Они её донимают наперебой своими комплиментами, а она не стесняясь снимает с себя один наряд, раздеваясь догола, чтобы тут же надеть другой, для нового представления. Она их не замечает, во-первых, они без денег, а во-вторых, она спешит. Она лишь отделяется от поклонников дежурными фразами: «Да, мне удавалось сегодня каждое движение, слово. Я вольно предавалась вдохновению. Слова лились, как будто их рождала не память рабская, но сердце».

Надо сказать, что сцена в моей трактовке смотрелась блестяще: примадонна срывала с себя на ходу платье, лифчик, колготки. Поклонники взирали на её прелести, пускали слюни, соперничали друг с другом в произнесении дежурных комплиментов в надежде вкусить прелести этой дамочки. Последняя же, деловито подтягивая трусы, не обращала на их алчные взоры никакого внимания, поддерживая приличия ради разговор дежурными фразами. Лаура, как птица, рвалась навстречу новым, перспективным мужчинам, а эти, никчемные, с пустыми кошельками, изо всех сил старались её удержать в этот вечер рядом с собой. За всем этим кавардаком изучающе наблюдал Дон Карлос, держа в руках открытый томик римского историка. Вот Лаура уже заспешила к двери, на ходу приводя в порядок новый туалет, но, чтобы не дать ей уйти, поклонники просят спеть.

«А что петь? вдруг обратилась ко мне примадонна. Алла Константиновна пела «Ночной зефир струит эфир...».

«Ну, при чем здесь это? – возмутился я. – Ну, вот вы, продажная театральная шлюха, что бы вы им спели?» Я испугался, что примадонна примет мои слова на свой счет, а не на счет своей героини, и закатит истерику, но актриса неожиданно вдохновилась моей подсказкой и заиграла, возможно, саму себя. Но как! Это было восхитительно! Она вскочила на стол, нахально задрала юбку, которую даже не успела до конца застегнуть, стала наспех отплясывать и распевать набившие всем оскомину куплеты: «Была я белошвейкой и шила гладью, затем пошла в актрисы и стала бл... ю! Парам-пам-пам! Парам-пам-пам!» Она отплясывала на столе, нарочито демонстрируя мужчинам все свои запретные места: разноцветные трусы, полные ляжки, вывалившуюся из бюстгальтера грудь. Всем своим видом она старалась показать, что презирает этих клопов, жадно сосущих взглядами её тело. Это был плевок в них! Это был её вызов!

Когда Лаура перестала петь, в наступившей тишине вдруг раздался гулкий удар. Это упал на пол томик латинского историка Светония, выроненный из рук потрясенного Дона Карлоса. Просвещенный юноша вдруг понял страшную вещь: его брат – благородный гранд, лишился жизни из-за глупой и алчной шлюхи. Это была блестящая смысловая точка!

Достоевский когда-то сказал: «Красота спасёт мир». Нет, мир спасёт театр. Что, как не театр, может слить воедино самых разных людей? Что может заставить их полюбить друг друга, как не совместно созданное действие. Вот и сейчас я сорвался со своего режиссерского пульта, взлетел на сцену, и мы втроем стояли, обнимались и плакали: я – режиссер-самозванец, та, которая ещё вчера пыталась меня отравить, и безразличный созерцатель всех этих смертей,

человек, с молчаливого согласия которого на днях грохнули одного режиссера, а вчера пытались отравить меня. Мы плакали оттого, что втроём создали нечто!

Последнее понимали не только мы. Артисты в зале аплодировали стоя. Такого пронзительного живого Пушкина ещё никто не видел. Это был Пушкин, созданный у всех на глазах. Это было великое чудо театра!

«Неужели после этого совместного успеха, после этих слез счастья Маргарита Львовна сможет меня убить?», – промелькнуло в голове. В этот момент я обнимал стройную спину актрисы и чувствовал её горячую ладонь на своём плече.

Нет, надо разбираться, разбираться и разбираться с тем, что всё-таки произошло в том заброшенном доме, который служил импровизированной сценой для пушкинского спектакля.

После репетиции мы шли по улице с длинноволосым актером, его глаза светились, он был в восторге оттого, что я открыл для него роль, открыл именно с той стороны, с какой он больше всего желал. Я решил воспользоваться моментом и провести импровизированный допрос. «Скажите, Алла Константиновна, моя предшественница, как она видела эту сцену?» – «О, совсем не так, как вы! – завелся длинноволосый. – Да она вообще и человеком-то была другим. Другое поколение, не то чтобы шестидесятник, но что-то в этом роде. Постоянные размышления о свободе, о вечных ценностях, о служении своему Отечеству».

«Пока свободой горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, свободе посвятим
Души прекрасные порывы!»

– подхватил я. «Да-да, что-то в этом роде», – откликнулся длинноволосый. «А где она жила?» – спросил я. «Здесь, рядом. Хотите, покажу. – Юноша бодро зашагал куда-то в глубь дворов... – Я у неё дома тысячу раз бывал. Она с сестрой жила. Хотите, можем зайти. Её сестра, Наталья Константиновна, уже дома». Я утвердительно кивнул головой, мне очень хотелось посмотреть на обстановку, в которой обитала моя предшественница. Может быть, мне, таким образом, удастся приблизиться к тайне её гибели.

Квартира была полна книг. Когда мой спутник меня представил, сестра покойной нарочито показала большую книжную полку – на ней всевозможные исследования творчества Пушкина. Это было сделано не без гордости за свою родственницу-режиссера и с каким-то немым вопросом: «А скольких пушкиноведов прочитал ты?» Хорошо, что вопрос был немым, будь он задан вслух, мне пришлось бы сознаться, что ни одного пушкиноведа я не читал, а главное, что и не собираюсь исправлять это упущение. Я не стал утомлять своим присутствием хозяйку дома, главное для себя я выяснил: Пушкин не был случайным автором в жизни моей предшественницы. Она жила им, пусть не так, как я, представляла себе великого поэта, но, повторяю, она им жила, а значит, им дорожила, может быть, даже больше, чем дорожила собой. «А вдруг именно из-за этого она и погибла?» – пронеслось в голове. Я решил сейчас же отработать эту версию.

«Расскажите, а какова была Лаура в трактовке Аллы Константиновны? – обратился я к своему спутнику, когда мы оказались на лестничной клетке. Мне очень полезно знать». Актер засмутился. «Ну, конечно, трактовка роли была совсем не такая, как у вас. Её Лаура, это была она сама. Алла Константиновна наслаждалась природой, сиюминутными чувствами, быстро исчезающими радостями. Знаете, когда она произносила свой монолог: «Приди открой балкон. Как небо тихо; недвижим теплый воздух, ночь лимоном и лавром пахнет...», честное слово, ни я, ни кто другой не замечали, что она что-то изображает на сцене. Складывалось впечатление, что она просто беседует с кем-то из нас о природе. Мы ведь всей труппой часто в лес выезжали на выходной».

Я слушал, а сам думал, какой неглупый мужик, этот волосатик, как он самобытен в суждениях и даже смел. Будь сейчас на его месте красавец-премьер, он бы наверняка на чем

свет стоит поливал бы грязью покойную исполнительницу за тем лишь только, чтобы угодить мне. Ведь я один вершу сейчас их творческие судьбы. А этот нет, режет правду-матку мол, у тебя один взгляд на эту роль, а у неё – другой. И тут я сообразил, что не грех использовать его правдивость для расследования. «Послушайте, – специально подлил масла в огонь я. – Но ведь её трактовка Лауры пусть искренняя, но хрестоматийная. Согласитесь, такая трактовка не вызывает сопротивления, например, у критиков, у работников аппарата министерства культуры». – «Не соглашусь, – вдруг горячо ответил юноша. – Я лично был свидетелем стычки Аллы Константиновны с теми двумя чинушами из Министерства культуры, которые заявили к нам с утра. Честное слово, был уверен, что они убьют друг друга. Так орал!» – «Орали из-за образа Лауры?» – недоуменно воскликнул я. «Да», – подтвердил волосатик. «Не может быть!» – «Может. Этот чиновник от культуры, что вас хвалил, тогда кричал Алле Константиновне, что на Лауре обязательно должно быть бриллиантовое кольцо, а Алла Константиновна в ответ кричала, что на её героине, которая так упивается природой, любовью и искусством, не может быть никаких бриллиантов. Как сейчас помню: она заявляла, что отказывается их надеть.»

Меня осенило: а вдруг задание, которое было поставлено Алле Константиновне спецслужбами, расходилось с её видением Пушкина, а точнее, с видением той пушкинской героини, которую она с упоением играла?!

Было произнесено ещё одно слово, которое заставило меня насторожиться. Бриллианты. Чиновник от культуры, который меня хвалил, – это, скорее всего, наш человек, такие всегда работают на спецслужбы. Покойная режиссер тоже была нашим человеком. Но тогда почему именно бриллианты стали камнем преткновения между двумя сотрудниками нашего ведомства?

Я попрощался с длинноволосым актером, его, кстати, звали Вадик, и пошел бродить по бульварному кольцу. И вдруг я вспомнил, при каких обстоятельствах и что именно я слышал о бриллиантах применительно к деятельности спецслужб. Незадолго до своей смерти домой к отцу заявился какой-то его сотрудник. С собой, конечно, прихватил пузырь. В приватной беседе сотрудник пытался уговорить отца замолвить за него словечко перед начальством. Дело в том, что этого офицера направляли работать куда-то не то в Анголу, не то в Намибию. Он считал это назначение ссылкой и пытался его предотвратить, а отец горячо объяснял ему, что, напротив, такая командировка открывает широчайшие перспективы перед этим офицером. И вот тут-то речь зашла об алмазах. В этой Анголе или Намибии осуществляется их добыча. Добыча осуществляется по варварски – хищения, неточный учет. Направляемому туда офицеру предстояло через подставную фирму наладить поступление африканских драгоценных камней в фонд наших спецслужб. «Дурак! – кричал отец. – Неужели ты не понимаешь, что за алмазами будущее. Неужели ты не понимаешь, что расплачиваться с партнерами зарубежом легче неучтенными камушками, чем нефтедолларами? Нефтедоллар, он, во-первых, прозрачен каждый баррель теперь на учете, а во-вторых, как ты собираешься гонять баксы? Через многочисленные счета – так или концы найдут, или деньги сожрут в подставной фирме. А может, ты собираешься чемоданами бабки через границы таскать?» – «Ну, существуют ведь дипломатические каналы для передачи денег», – возразил гость. «Дипломатические каналы – это лишние глаза и лишние уши! – накинулся на него отец. – Существуют операции, о которых вообще должны знать не более пяти-шести человек, операции особой важности, которые порой в один час меняют политический строй государства и расстановку сил в мире. Эти операции надо оплачивать так, чтобы следов не оставалось ни на счетах, ни в человеческой памяти. Вот тут-то в качестве средства платежа на первый план и выходят алмазы. Достал из земли в Намибии, ввёз к нам, лучше всего через Кавказ, там и слона можно незаметно протащить, и уже здесь в Москве осуществил огранку – малюсенький такой камушек, а стоит до хрена и больше! Создал из камушков фонд. А дальше, когда нужно за рубежом кому-то платить, ты

этих камушков штук пять-шесть куда-нибудь в щель контейнера забил, и всё – любая граница пройдена. А то и проще того, переправить бриллианты с какой-нибудь театральной труппой, едущей на гастроли за рубеж: знаешь, сколько у них с собой бутафории для исторических постановок, стекляшек разных, ну там подвесок, бус. Если среди этой груды стекла положить несколько настоящих бриллиантов – на таможне никто не обратит внимания».

Я не стал дальше напрягать свою память и вспоминать весь разговор, потому что я, как мне показалось, вспомнил главное: бриллианты – это средство оплаты операций наших спецслужб за рубежом. Способ доставки – реквизит театральной труппы. Неужели план, некогда разрабатываемый моим покойным отцом, стал претворяться в жизнь его ныне живущими сотрудниками?

Вечером мы с Янгой упивались взаимным счастьем. Вернее, упивалась Янга, она была просто на седьмом небе оттого, что я предложил ей выйти за себя замуж, а я, скорее, подыгрывал ей, потому что еще не был уверен в прочности своих чувств, да и вообще в их наличии. Я поступил так лишь для того, чтобы ко мне на могилку приходила молодая вдова и сажала там анютины глазки, поскольку в тот момент, когда я делал предложение, я был абсолютно уверен, что меня убьют, сейчас этой уверенности во мне поубавилось. Поэтому, когда Янга, целуя меня, ворковала: «Я тебя люблю, Боже, как я сильно тебя люблю!», я, для того, чтобы она не заподозрила во мне отсутствие чувств, яростно набрасывался на неё: «Нет, я люблю тебя больше, чем ты меня». Вот тут она кричала: «Нет!», колотила меня по груди своими маленькими кулачками, а затем принималась душить со словами: «Я тебя люблю сильнее, сильнее, чем ты меня. Ты не можешь любить так, как я. Ты не умеешь так любить!» Принимая ее удары в грудь, я почему-то смотрел не на девушку, а в окно, которое находилось точно напротив раздвижной тахты, которую мы с Янгой окрестили «лежбищем морских котиков». За окном было чистое звездное небо – ни облачка. Я смотрел на звезды и думал о том, что, наверное, первый раз в жизни по-настоящему счастлив. Счастлив не оттого, что мне клянется в любви молоденькая девушка и неистово колотит по груди кулачками, а, наверное, оттого, что у меня наконец-то есть любимое дело: я ставлю спектакль. Всё дело именно в спектакле. Раньше, сколько бы я ни миловался с Янгой, я всегда помнил о четырех бутылках пива, стоящих в холодильнике. Янга уходила, и я тут же устремлялся к ним. А сейчас эти четыре злополучные бутылки пива стоят в холодильнике нетронутыми уже который день, потому что, когда Янга уйдет, я возьму чистые листы бумаги, положу рядом с собой и буду, уставившись в потолок, сначала обдумывать завтрашнюю репетицию, а затем вообще переключусь на личность Пушкина.

Буду ломать голову над тем, почему он написал что-то в своем «Каменном госте» именно так? Что именно он хотел сказать? Я просто остервенею от бессилия найти точный ответ. Тогда, отчаявшись, я стану думать о себе, и невольно приду к открытию, что моя, пусть скромная жизнь, чем-то похожа на пушкинскую, например, той поры, когда он писал в Болдино свои «Маленькие трагедии». И когда я, наконец, пойму, в чем наши жизни совпадают, передо мной вдруг откроется, что стоит за той или иной строкой поэта, потому что пусть это нескромно звучит, но за ней стою я, живой и понятный самому себе. И это единение себя с Пушкиным гораздо сладостнее, чем напиток любви. А уж насколько оно сладостнее четырех бутылок пива, и говорить не приходится. Вот и сейчас я ловлю себя на мысли, что хочу, чтобы Янга скорее ушла. Я хочу остаться наедине с большим человеком по имени Пушкин. А убьют меня в скором времени или не убьют, это уж не так важно, когда есть дело, которое ты делаешь с упоением для души.

Янга и впрямь, вдруг взглянув на часы, всплеснула руками и бросилась звонить домой, бессовестно наврав, что сидит на работе, где, как всегда, очередной аврал, и что-то набирает на компьютере, сама толком не понимая что. Затем она, встав во весь рост в центре нашего «лежбища морских котиков», принялась спешно одеваться. Я считал в уме, сколько деталей

своего туалета ей осталось надеть, и сетовал, почему всё происходит так долго. Наконец входная дверь за ней закрылась.

По дороге на репетицию я мучительно размышлял, но уже не о Пушкине, а о той ситуации, в которой оказался сам. Итак, меня хотели отравить. Но я – часть игры спецслужб, и при этом хорошо делаю отведенное мне дело. Почему в этом случае мою жизнь не защищает второй внедренный в театр агент? А может быть, он просто не в курсе дела, вот он и бездействует. Действительно, откуда он мог знать, что эта примадонна подсыпала мне в кофе яд? Ведь я, сделав глоток, только закашлялся, и не более. Этого недостаточно, чтобы со стороны понять: напиток таит в себе смертельную опасность. Итак, чтобы довести до конца порученное мне задание, я должен самостоятельно доложить своему начальству о попытке меня устранить. Пусть они позаботятся о моей безопасности. Но что я предъявлю в качестве доказательства того, что на мою жизнь покушались? Свои вкусовые ощущения? Ведь остатков кофе у меня нет. Отсюда вывод: надо добывать вещественные доказательства. Но как? Способ один: спровоцировать примадонну травануть меня ещё раз.

Стоп! А может, эта женщина и не собиралась меня убивать? Может, мне только почудилось, что вкус у кофе какой-то особенный? После зверской расправы с Аллой Константиновной и назначения меня на место покойной нервы стали шалить, вот мне и почудилось невесть что. Нет, если я хочу снова убедиться в том, что в поданный мне кофе что-то подмешано, надо сначала хорошенько запомнить вкус обычного кофе без яда. Я осмотрелся по сторонам и увидел перед собой небольшую забегаловку. «Там наверняка подают кофе, – подумал я, – и наверняка без яда». Я зашел внутрь, заказал чашку этого напитка и долго пил, старательно запоминая его вкус.

Придя на репетицию, я первым делом обратил внимание на то, что примадонна уже сидела в зале, причем на том же месте, что и в прошлые разы, то есть строго за спинкой того кресла, на которое должен был сесть я. Я не стал, как на предыдущих репетициях, дистанцироваться от неё, убежать на сцену самому или отправлять туда злоумышленницу. Я вальяжно развалился за режиссерским пультом и как бы невзначай обратился к примадонне: «А нельзя ли вас попросить, Маргарита Львовна, сварить мне кофе, а то в прошлый раз мне так и не удалось попробовать. Говорят, что вы и впрямь как-то необычно его варите» – «Я сейчас вам сварю», – кинулась было помощник режиссера, но Маргарита Львовна опередила ее: «Нет, я!» Она пулей вылетела из зрительного зала и уже через несколько минут вернулась назад, держа в руках чашку с дымящимся напитком. Я поблагодарил её, мысленно перекрестился и слегка отпил кофе, вернее, только взял его в рот. И снова, как и в первый раз, у меня похолодело внутри. Вкус у этого кофе был совсем не такой, как у того, что я только что заказывал в забегаловке, в напиток явно было что-то подмешано.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.